

Смена

1961

ИЗДАТЕЛЬСТВО МЛАДА А.

ДВА ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Корабли, как люди.—У каждого своя биография. Только у кораблей, пожалуй, не один, а несколько дней рождения. Для конструкторов это день утверждения проекта, у судостроителей — спуск на воду, у эксплуатационников — первый рейс.

В тот весенний вечер над Горьким гулел ветер. Он дул с низовых реки, с сорокалетней историей города. Сла-щущимися запахами разбуженных виноградных листьев. Временами вместе с терпкой свежестью ветер идил на проспекты гудки пароходов. На Волге начиналась навигация.

В тот весенний вечер в одном из отделов Горьковского конструкторского бюро по судостроению состоялось совещание. Краснодина и без регламента. Рассказывали, что на стуле, кто на стole, речта, жестиклируя, спорили.

Спорили о резолюции, которую принесли начальнику по открытым комсомольским собраниям. Слов в ней были скучные и официальные:

«Постановили: учиться значение, которое при-
дается развитию и совершенствованию речного

транспорта, комсомольцы бюро берут обязательства со всеми силами, в неурочное время разработать проект нового судна».

Просить главного конструктора возглавить техническое руководство. Ответственный за комсомольско-молодежный проект утвердить В. Кустова.

— Что такое розовая мечта портвояжей? — Вадим Кустов оглядел ребят. — В первую очередь это судно... без переборок, чтобы легко можно было разгрузить.

— Корыто, — бросил кто-то насмешливо.

— Если хотите, пусть корыто. Только корыто с одним трюмом. Можно грузить и разгружать — удобно и быстро.

— Судно без переборок? — Толя, коренастый, плечистый парень, поднял руку. — Сомневайтесь, чтобы не было ОКБ сконструировано?

Мы готовы, — ОКБ, — сказал Виктор, заместитель консорта, худощавый юноша с аккуратной прической,— но мы инцизионная группа. И проект надо создать, как говорится, на общественных началах.

— Внимание, прошу внимания! — вскочил рас-

красневшийся Альберт Хлебников и отчаянно за-махал руками. — Стойте! Так мы никогда не кончишь. Быстро к вам подъедет старик. Первое: наш корабль не просто теплоход, поплавокционный состав. Состав, подобного которому нет в мире!

— А в Америке, на Миссисипи! — взорвался кто-то. — Там давно плавают составы. Вадим Кустов живо встал из-за стола.

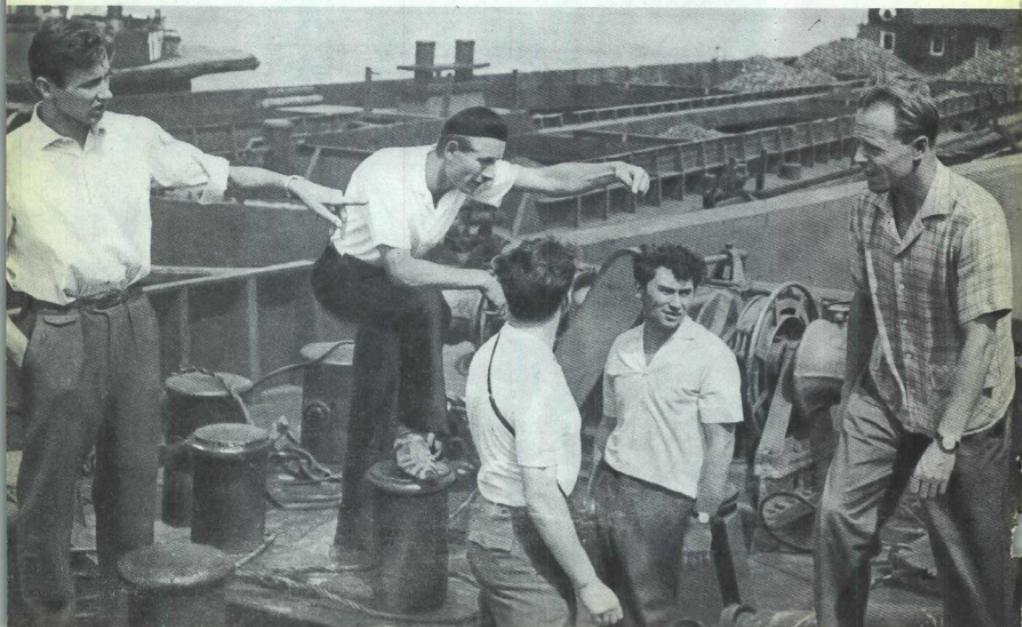
— К следующему некоторым: составы на Миссисипи — это коробки, стальные толстые щитки. А мы хотим сделать судно, красивое, быстроходное судно!..

— Ладно, пиши.

На листке бумаги пошли цифры. Длина корабля... Ширина... Скорость... Грузоподъемность — ссы-ше семи тысяч тонн. Носовая оконечность головной полусекции должна иметь мореходную фор-му!

— Это вам, на Миссисипи! Они всплыли все вместе, шумно переговариваясь. Ночь дохнула на них свежестью. Со стороны Волги донесся густой, тягучий бас теплыххода. Альберт скакнул.

— Вот так когда-нибудь и наш забасит...

* * *

Эльвира стала замечать: часто в разговоре Виталий вдруг умолкает, потом спрашиваетесь, виноват говорит: «Извини, я не рассыпалась, что ты сказала».

С утра в воскресенье Виталий снова сел за стол. Росли на столе кашки конфет и фруктов. Потом звонок в дверь. Виталий кривился от досады. Потом он все бросил и ушел. Вернулся к вечеру и снова сел за стол.

Эльвира устроилась в уголке тахты, глядела на мужа и грустно думала, не пора ли перебираться к маме...

Несколько Виталий вскочил, опрокинул стул.

— Нашел Нашево! — бросился к жене.— Ты понимаешь, все правильно! Четвертый вариант! Три долара! И я могу подтверждать эксперимент! — Охлысты! Понимаешь, как это здорово!

Я ничего не понимаю. Я вижу, что вы все в шашки бордо сделались психами.

Виталий засмеялся:

— Пожалуй, мы действительно... немного того...

Он принес лист бумаги, подложил под него книгу.

— Гениально! И, как все гениальное, просто.

На белом листке появился контур длинного корпуса судна.

— Мы разрезаем корабль пополам! — Виталий провел посередине линию. — Машинного отделения

— Откровенно говоря, коллеги, я сомневался в вашей затее. Но... он торжественно поднял пальцы — эта бирже говорит «заны! Вы делаете своего рода переворот. Очень рад!

За кормой катера криво пенялся след. Крохотные волны убегали туда, где осталась послужившая добрую службу баржа. Это был первый день рождения судна.

* * *

Время летело. Отошло лето подсолнухом в желтой шапле, на смену пришла осень, затянутая в серую шаль. В отелях уже часов с четырех загигали свет. Работа над проектом продвигалась вперед.

Первым закончился расчет и чертежи Виталий. Трудились вечеров, ночей, выходных дней лежал перед ним в чечетках линий; за которыми настенный глаз угадывал удачное решение сложной задачи.

Виталий аккуратно свернул затянут и посмотрел на часы — кончились обеденные перерывы. Представил, как подходит к своему ведущему — руководителю отдела и словно между прочим показывает ему свой эскиз. Виталий предвидел, что придется смотреть, кое-что пересчитать, потом ульбнуться, скажет: «Отличное решение!» и поставят свою подпись в правом нижнем углу.

Дожевав сухой пирожок, Виталий нетерпели-

Пролетариат всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА
Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

год издания сороковой

19

октябрь
1963

ваться тем, за что вам платят зарплату. Ты понимаешь?

— Но гордись. — Виктор тронул Виталия за руку. — Может, он, ну, просто не в духе... Завтра подпишет.

— Спасибо тебе, Платян!. Ну, как я теперь рабо-

таю? Сколько буду? Кадр!

Партгорт бирюзово внимательно следил за моло-

дежным проектом. И охотно согласился пройти на

заседание комитета. Ответственный за проект Ва-

нича здесь нет. Только два самостоятельных корпуса. Кто будет днагать судно? Вот тут к корне присоединяется баксир-толчки. Получается, что судно — это не судно, а баксир-толчки паровоз, вагонетка, разгрузка — и побежал рабочий на плавник. Пришло судно в порт, баксир-толчки расставляет быстрым полусекундами по соответствующим причалам, и покажалась — разгружайся. А сам в это время другую работу делает. Даваж детям понятно.

Эльвира обхватила колени и притихла, настороженно слушая мужа.

* * *

...Острые языки пламени автогенных горелок, как масло, резали метал. Небольшой кран навис над баржей. Клюнет — и стальной лист удаляет на берег. Снова клюнет — и снова ульбается.

Автогены резали переборки. Баржа внутри становилась пустой, хоть в футбольный мяч. Притулвшись к борту, терпеливо посыпал баксир. С речи пропало эхо.

Ребята вспомнились. На судне начали устанавливать приборы. Через полчаса баржу, теперь и вправду похожую на огромное корыто, баксир потащил из затона.

...Когда поздно вечером возвращались на катере в город, Игорь Петрович, представитель института, сказал:

по посматривал на дверь. Наконец появился ведущий, грустный, с усталым лицом. Он сел на стул, сел... А через пять минут Виталий, стиснув зубы, с лицом, покрытым красными пятнами, ворвались в отдел к Виктору — заместителю комиссара.

— Ты знаешь, что он мне сказал? Ты представи-
лашься — не мое, мол, дело!

Они вышли в коридор, туда, где обычно устраивали перекур.

— Ж-то думал: обрадуется. А он: «Мне хватает

расчетов и без ваших выдумок. Извольте зан-

дим. Кустов доказывал о том, что уже сделано.

По предварительным подсчетам экономи-
стов — закономер, он — производительность труда будущее на 30—40 процентов, чем у экипажа баржевого состава, но говорят уже о грузовых теплоходах. Задоров снижается и себестоимость перевозок. Теперь у нас есть затруднения...

Партгорт обещал всем разобраться в этом.

Вскоре проводили открытийное собрание. Коммунисты поддержали комсомольцев, приняли решение всем коллективом закончить рабочие

чертежи. Партгорт слушал выступления, улыбался

Новое судно по просьбе его создателей назвали «Журнал Смена». И вот совсем недавно — летом этого года — секционный состав ушел в свой первый рейс курсом на Череповец. На его борту была brigada журналистов «Смены» и волжских молодежных газет. Три тысячи верст от жаркой Астрахани до лесистого Череповца, три тысячи волжских верст. Говорят, реки несут на своих волнах историю и жизнь народов. И действительно, на берегах Волги словно сама история встретилась с сегодняшним днем. Там, где в гражданскую гремели бои, сегодня встали новые, социалистические города. Подвиг первых организаторов колхозов продолжают комсомольцы, осваивающие засушливую степь. Легендарные дела молодежи первых пятилеток подхвачены ныне строителями комсомольских ударных. Об истории комсомола, о сегодняшнем дне молодых строителей коммунизма, о людях, которые всегда молоды,

ВСЕГДА РОВЕСНИКИ,
читайте публицистический репортаж в № 20 нашего журнала.

Фото В. МИШИНА

и думал: «Хорошо поставил себя комсомол. По-серьезному».

Отшумела, отстреляла снежными метелями зима. Пришла весна.

На областной комсомольской конференции громом аплодисментов встретили сообщение секретаря горкома ВЛКСМ:

«Группы космомехаников конструкторского борта, в которую входили А. Моряков, В. Кусто, В. Преображенский, В. Постников, В. Вячеслав, А. Хлебников, В. Повалеев, Л. Михайлов, Е. Муравьев, Г. Кугасов, выполнила в нарахованные время проект нового судна для речных бассейнов страны. В работе над проектом активно участвовали и конструкторы старшего поколения. Работа младоженцев получила положительную оценку специалистов.

Мы рады сообщить конференции, что Министерство речного флота приняло решение начать строительство серии судов по проекту наших комсомольцев».

...Самолет летал над Волгой курсом на Астрахань, где на заводе имени III Интернационала проект воплощался в металла. Альберт Хлебников смотрел вниз, на темную ленту реки, расщепленную огнями судов. «В эту навигацию пойдет и нашо судно», — думал он. — Его, наэреное, можно будет узнати даже с самолета».

Но где-то вместе с радостью в подсознании Альберта зрело ревнивое чувство, наверное, свойственное каждому проектировщику, который передает в руки строителей детище своей мысли.

И когда Альберт переступил порог заводской проходной, словно бы впечатанный в вышагающее от жары астраханское небо, чувство тревоги еще больше усилилось. В тесной конторке, забитой столами мастеров и техников котельно-варочного цеха, начальник участка Николай Богатенков, отдал приказ: «Приступать к работе!»

дас в двух словах должное конструкции корабля, по-дөлвому заговорил о неувязках в чертежах. Альберт неприязненно смотрел на жесткие губы Николая, которые четко выговаривали замечания по проекту. Альберт, как птица, клонялся настороженно головой набок, еще и еще раз перелистывая изумительные кальки проекта. А болгаринка уже

зап шуршащие кальки проекта. А Богатенков уж говорил о конструктивных изменениях, внесенных комсоргом цеха Юрием Кузнеццевым, его, Богатенкова, предложениях. И Альберт чувствовал, как в четкий, слаженный проект вламывается чужая мысль: «Все напутают, все перепутают».

Наконец спустился в цех и прошёл, покрытый вспышками огня. Состав рождался в сплошных сварки. Она вспыхивала зарницами под высокими сводами цеха, и казалось, судно рождалось на пороге радостного, богатого дня.

— А здорово это вы все-таки придумали: как из детских кубиков, собираясь состав из секций. Он улыбнулся так добро, улыбка была такой широкой, что Альберту показалось, будто губы Николая стала как-то мягче, теплее. Благодаря всему Николаю было тепло и в руках, и в голове, и в сердце. Неожиданно для себя Альберт услышал в его словах отголосок тех мыслей, тех решений, которые он искал со своими товарищами в время проектирования. И когда Николай подвел его к секциям и сказал: «Понимаешь, очень сложны они в сборке. Мы предварительно разработали схему в проекте», — Альберт вдруг ощущалось, что это не слова, а вспышка яркого света в пространстве. Это же не мысли, только подавленная консольность, загадка, опущенная в пазуху.

— Здорово!

А вокруг в дрожащем свете сирен рождался первый в стране серийный соционический состав. Грузоподъемность — 7 тысяч тонн, длина — 200 метров. Грохочущие листы металла падали на участок саранчиков Ювенавкина, где обрастили полупереворотом балками самых различных размеров. Потом бригады Зайтундайского саранчали эти листы в обычные санкции, и их укладывали на стапель. Там сеницы подхватывали для мощных порталных кранов и осторожно ставили уже на полусобраный корпус. И снова вспыхивал огонь сварки...

Строительство нового состава шло полным ходом. Хлебников собирался домой. И тут из Горького пришло известие — родился сын. Товарищи из бюро поздравляли. Альберт тоже послал телеграммы: одну жене, другую ребятам — поздравляя со вторым днем рождения судна.

1

三

Шушенское, даевское-олицкое сибирское село. Студеной зимой, жарким комарным летом, в любое время года идут люди из бревенчатого дома. Идут туда, где жил и работал Ленин. Время не поддается все, что связано с этим величественным именем.

Время... Кажется, что сейчас распахнется дверь, и, окутанные в синий плащ, войдет с мороза, весь в снегу, Илья. Войдет, отогреется и скажет за конторку, что стоит в самом углу большой комнаты. И до поздней ночи не выпустит первая. Мысли обгоняют руку, приходится сидеть, с головными сокращениями, в частях все ложатся на бумагу сра-г-г-г-г-г-г-г-г-г-

Н О В Ы Е

Но из воспоминания, ни посетители ленинских мест не могут рассказать столько, сколько передают старые писем, что писались тогда на самом пике борьбы нынешнего века ближайшими друзьями Ленина.

К вайкому счастью, эти письма уцелели. Мы отыскали их в семейных архивах соратников и друзей Ильища. Письма своих родителей — Василия Васильевича и Антонины Максимилиановны Старковых — берегут сыи Глеба Васильевича —талантливый писатель, много лет проработавший в нефтяной промышленности. Ольга Паульевна — переводчик с языка на языки. От матери остались письма ее, которая оставалась на свободе. В этом отношении весьма ценны письма Г. М. Кржижановского, посланные им из ссылки Тобольска в 1897 году в Петербург. Л. Н. Чайко-Барановская — участница «Союза борьбы». Это одно из немногих сохранившихся писем Глеба Максимилиановича на ссылке. Вот отрывок из него, сообщающий о В. И. Ленине:

Лепешинская помнит отмечать в Радченко письма своих родственников, а дочь Ольга Евгения Радченко, Евгения Степановна, разрешила познакомиться с бумагами ее матери Любови Николаевны Радченко-Барановой. Письма Старковой С. К. Кулакова обсуждались в Центре дальневосточной литературы Академии наук СССР.

ументы, подчеркивающие исполнительскую честность Ленина, его искреннее беспокойство за судьбы друзей. Они освещают события со стороны перевода сказанных царской охранкой членов «Союза борьбы» Петербурга в Московскую цензурную палату, пересыпку туда же писем из Сибири. Их же комментируют письма самого Владимира Ильинича и Надежды Константиновны Крупской из Сибири к родным.

С уст другей В. Е. Ленина не скомились слова: Старики, Ильинъ... Каждая встреча с Владимиром Ильиным была для них большим праздником. В трудную минуту они обращались к нему. В. Стакор в письме жене 30 сентября 1897 года отмечал:
«В Минусинске съездил хорошо, встретился там со Стариком¹... и притягнул его к нам. Он пробудил у нас до пылающих. Жалобу в Окружной суд подала². Меня, по всей вероятности, или совсем освободят от казнушки, или значительно смягчат наказание».

—

1 В. И. Ленинным.

² Речь идет о жалобе на определение судьи, очень строго наказавшего В. В. Старкова за отлучку с места жительства без ведома властей.

³ Она была написана и составлена В. И. Лениным. Об этом факте он рассказывал в одном из писем к родным.

4 В. И. Ленин.
 5 В. В. Старков.
 6 Вершина Всевозможных Гали

⁶ Вершина Восточных Саян.
⁷ А. М. Старкова и Э. Э. Розенберг.

И. МОРЯНОВ

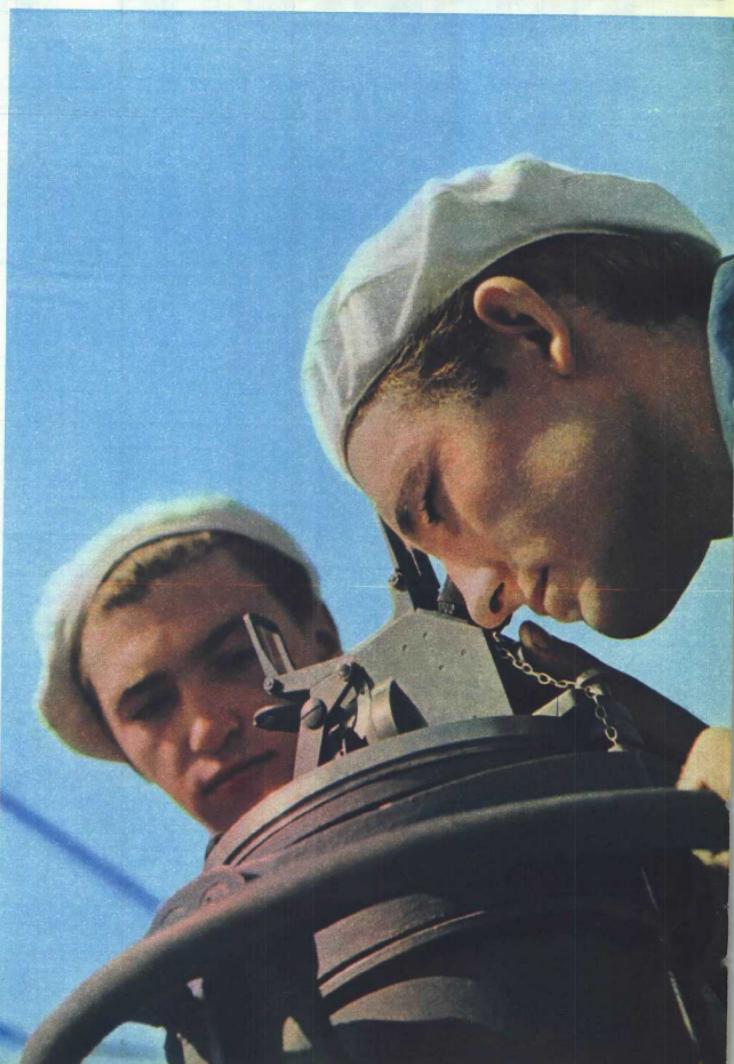
Фото М. МУРАЗОВА

На рейде — «Товарищ». Пройдет немногим времени — и парусное судно всплынет воду, и Средиземного моря и Атлантики...

Обычные часы учебы. У пилотного мостика курсанты Валерий Долгов и Юрий Иванников.

Раздалась команда: «Поднять паруса!»

ПУТЬ ЗНАМЕННИКИ

Одесское высшее инженерное морское училище было организовано почти двадцать лет назад, в 1944 году. Приказ о его создании — вместе с Владивостокским и Ленинградским — былдан тогда, когда Одессу еще занимали фашисты. Это были перв-

ые у нас в стране высшие учебные заведения для моряков. Сразу же, буквально в первые дни своего существования, Одессы приступили к формированию училища. Его почетными в полупогруженном штабе Приморской армии. Первые курсанты спали на партизан-

ских койках, которые извлекли из катакомб. Они даже не могли выйти в город, будущие капитаны мирных судов: на подступах к Одессе Черное море было заминировано. Война еще не кончилась, где-то рядом гремели пушки, а правительство уже

занималось о мощном торпедном флоте, и — что главное — флоте современном. Морских техников и мореходных классов было к тому времени уже недостаточно.

Сейчас кмуреходка замывает два громадных корпуса. Строится третий.

То, что училище именно инженерное — и инженерное самого высокого класса — видно, так сказать, на расстоянии. На крыше его установлена антенна радиолокатора. Если бы понадобилось выбрать символ современного мореходства, им бы, наверное, как раз

ЬИХ КАПИТАНОВ

Разная работа может быть на паруснике. Например, такая: курсанты сбивают ржавчину и красят борт.

Какой же моряк без гитары и песни!

такая антенна и была. В жестокие туманы — прохладно моряков всех времен — на желтом диске индикаторе показывали и береговыми линиями самых изысканных фарватеров, и мели, и черной тонкой — встречное судно. Чудесные «глаза» видят опасности за 50—100 миль.

— Знаете, что такое большое современное судно? — спрашивает капитан дальнего плавания Николай Антонович Фролов, прежде чем начать разговор о том, что преподается курсантам училища. — Это танкеры грузоподъемностью до 60 и больше тысячи тонн. А каждая тысяча тонн — это уже целый экипаж! Общая мощность электротехбординга такого судна сравнимася с мощностью крупного завода. Главный его двигатель размером с пятиэтажный дом! Одна радиостанция танкера с успехом может заменить радиоцентру любого большого города.

Но окончательно меня сразила встреча с современным «Летучим голландцем». Точнее, рассказ о нем.

Всем знакомо, конечно, это старое предание. В нем рассказывается о том, как в один прекрасный вечер вся команда одного корабля была перебита пиратами. С тех пор носятся эти корабли-призраки по морям и океанам. Чудесным образом он избегает яйсбергов и рифов, его щадят бури и штормы, не грозят ему и таран служивших судна.

А теперь представьте, — говорит мне профессор И. И. Криницкий, — что легенда становится явью. Появляется на море корабль, о котором также можно сказать: «Ни слышно ни видно, как не видно». Этот странственный корабль обходит все маяки и суда, ему не страшны рифы и туманы. Дело в том, что судно полностью автоматизировано. Чтобы доставить груз в нужный порт, ему действительно не потребуется помощь ни одного человека команды. И матросов и капитана заменят перфорированные карты.

И. И. Криницкий — человек самой скользкой должности: он возглавляет одну из ведущих кафедр в учительской хореографии страны. Такие суда, о которых говорят профессор, пока еще нет, но автоматика и радиоэлектроника уже сей-

час начали завоевывать мир.

Николай Антонович Фролов показал диплом, который выдается будущим капитанам. Обычно голубая книжка с гербом. В графе «Приисвоение квалификации» написано: «Инженер-судоводитель». Капитаном выпускника становится после того, как четырнадцать лет проработает на штурманом дальнего плавания.

Таковы были общие впечатления первых дней, проведенных мною в училище. Но скрою, я искал морскую романтику и уже начал было отчаяваться... Проходило время, я беседовал с «дальневодными капитанами» — представителями с будущими капитанами, но уже бывальными моряками — курсантами. (За время пребывания в училище курсанты должны проплавать два с половиной года матросами. Это их первая ступень плавательного цезиса). И вот, наконец, после разговора с Юрий Шокотько — я подумал: «А может быть, не надо отчаяваться?»

Шаг за шагом, черточка за черточкой я открыл «утерянную» было романтику. Больше того, я понял, что без поклонения этой самой романтике корабельного моряка и не бывает.

Юрий Шокотько родился в Тернополе — городе, далеком от моря. Его путь в моряки можно назвать классическим. Это книги, по нескольку раз просмотренные фильмы об адмиралах Нахимове и Апраксине, Маклее. Затем — кораблестроительный кружок в школе. Еще не видя моря, он был влюблен в него. Наконец, самые жестокие врачебные комиссии пройдены, экзамены сданы на «отлично». Он — курсант.

С этого момента начинает окружать морская атмосфера. Он привыкает к тому, что в слове «компас» ударение ставится на «е», а «маяки» произносится не иначе, как «майки». Его уже не удивляет, что общечеловеческое название называется «экипажем». Старые моряки называют — «тралами», а пол — «аплубкой». Но до настоящего «чувства моря» еще далеко...

Случилось это на восьмой день его курсантской жизни. Среди поступивших в училище было много спортивных людей, ребят, которые плавали уже по нескольку лет. Юрий тянулся к ним. Вот и сейчас, за-

метивши в кают-компании

Закончена чистка палубы. Можно и пошутить.

Последние минуты на берегу...

Когда-то по этой лестнице поднимались в город легендарные моряки-потемкинцы...

двоих, он заснул туда. Один был высокий, плечистый, с широкими ладонями, другой — пониже, скрупулезный, в тоники загорелым лицом. К нему Юра обратился:

— Плавал?

— Штурманом, на Балтике.

Юра сразу почувствовал уважение к собеседнику. От штурмана один шаг да капитан...

Зачем же ты сюда поступаешь?

— Знаешь, парень, есть старые капитаны, которые и сейчас боятся подойти к лекции. А через несколько лет таких повиновляют на корабль! Не хочу оказаться в таком положении тех капитанов. У меня ведь только средняя мореходка за плечами...

— Я тоже среднюю за-

кончила, — вмешался плечистый. — Только я местный, с Черного моря.

А ком там плавал?

Ребята были в одинаковый обычный. Ребята чувствовали, что они заинтересованы парня. Что ж, они были готовы рассказать ему о море. Оба не раз были и в Атлантике и в Индийском океане. А для Юры этот разговор стал первым морским уроком, который он получила в училище. Плечистый парень ответил на его вопрос без тени смущения:

— Каком...

— Хорошая должность! — мотнул сочувственно головой Юра, как бы приглашая того, второго, улыбнуться вместе с ним. Но штурман внимательно посмотрел на него и вдруг спокойно сказала:

— Дурак ты! — И тронул за руку плечистого парня:

— Нет, не знал еще Юра, что на флоте наименее не существует. Не знал он, что должности кока, например, не только почетны, но и трудна, что для этого нужны знающие и мужественные люди. Да, да, именно мужественные. Не какий-нибудь парень, а парень, когда шторм грузы на палубе, отваживается работать в тот же шторм в камбузе! Но знал Юра одной святой истиной: на море нет второстепенных профессий. Этому заповеди он услышал на первых же лекциях преподавателей: «Если она не интересна, будь капитаном» — является основой легендарной морской дружбы, которая необходима морякам, как жизненна?

Что это значит, Юра почувствовал позднее, в первое свое плавание. На барке «Товарищ» им предстоит обогнать Европу.

Парусное судно! Осуществив свою давнюю мечту Юрий Евну почтительно казалось, что во время плавания на паруснике они непременно встретятся с чем-то стариным, легендарным: скажем, найдут просмоленный бончонок с судовыми журналами Христофора Колумбия...

Все было куда обиднее. Каждый день с утра до вечера они занимались одним и тем же: добывать и сжигать соленую воду, вязать маты, обивали ржавчину, постигали тайны приготовления сырой корабельной краски. Здесь же, на судне, сдавали экзамены по навигации, лоции...

И все же встреча с «легендарным», стариным парусником Старкенбургом, на котором прошло двацатый день плавания. Они находились в северной части Атлантического океана. Ветер вдруг стих, и паруса неподвижно повисли вдоль мачт. Не будь у «Товарища» мощного двигателя, он бы был скован океанским штилем. Радовалась команда:

Свистят всех наверх! По марсам и салингам пошли! Крепить паруса!

Южную сторону неба начало завоевывать темнота тумана. Барометр упал... Штурман Василий Григорьевич экзамен для моряков, экзамен старинный, как море!

Первый из того, как быстро они сумеют убрать паруса, зависит очень многое. Только год назад почти тем же курсом шел западногерманский парусник «Ламир». Его команда упала, драгоценные минуты. Никита Григорьевич (он носил неизвестное женское имя «Керри») намерто прибил паруса к мачтам и склонился к морю, «обстенлив» их, как говорят моряки. И никакая сила в мире не могла оторвать их от рей! Для парусного судна это гибель. «Ламир» все больше кренился на левый борт. И самое страшное случилось... Из восемнадцати шести парусов спаслись только шесть.

Ветер крепал. Нелегко было работать на пятнадцатиметровой высоте и выбирать на себя парус. Да еще балансировать натолстом канате — перте, прикрепленном к реям. Рея так вдвинулась в каюту, что стала, кажется, частью тела. А качка между ними усиливалась.

Мокрый угол паруса с виштыми на него железнеными колышками болтко хлестнул Юру по лицу. Он еле удержался на ногах. Ткань казалась твердой, как жестяной котелок. А парусники не хотели убираться!

И вдруг раздался увидеть большую, скользкую руку. — Давай помогу!

Юра поднял голову. Рядом с ним на перте стоял Вася, тот самый, с которым он столкнулся не сколько месяцев назад... Может, и не увидел бы этого моряка ничего особенного. Но это было чистое чудо! Ребят, но никто из которых не будет оспаривать, что ребята проявили настоящую морскую мужество. Или лучше сказать так: обычное морское мужество.

Мужество и чувство морской дружбы. Это как раз те качества, которые во все времена создавали морякам легендарную славу и окружали их профессию романтикой дымкой. Нет, не умерли они и теперь! Они так же необходимы морякам, как сто и двести лет назад.

«Одесская мореходка» — один из тех вузов, где преподаватели борются не только за знание научных дисциплин, но и за духовные качества своих воспитанников. И я, пожалуй, не увидел бы теперь ничего недостойного в том, чтобы как-нибудь преподаватель, бывший капитан дальнего плавания, на государственном экзамене задал бы выпускнику такой вопрос: «А знаете ли вы, что такое морская романтика?»

Совсем недавно, уже по возвращении из Одессы, я привез из Училища Президента Верховного Совета СССР на награждении работников морского транспорта. Среди них — выпускники училища: капитан Александр Александрович Крибаков удостоен звания Героя Социалистического Труда. (Он совсем недавно, лет шесть назад, окончил мореходку.) Президент страны, исполненная о нем, называли его просто Саша. Е. И. Чека награжден орденом Ленина, Орденом Трудового Красного Знамени Лисенко.

В библиотеке «мореходки» я прочитал прекрасно написанную книгу о путешесвии курсантов училища в Египет. Это, наверно, кто-то из местных писателей был на судне вместе с ними? — спросил я.

— Что вы, — ответили мне, — у этого писателя десяток технических учебников!

Речь шла как раз о Всеаполитической Константиновице, который я и позже и познакомился.

«За высокие успехи, достигнутые в деле развития морского транспорта», — говорят в Указе.

А мне хочется прочитать

в этих скучных строчках еще

и такое: «за прекрасные морские качества — это во-

первых, за воспитание этих качеств — во-вторых.

Комсомольцы 1943 года

«...ПАЛ СМЕРТЬЮ ХРАБРЫХ»

С портрета смотрят веселые светлые глаза. На голове кубанка. Русый мальчишеский чуб спадает на высокий лоб. Это последний снимок Вити Чаленко. Он был сделан незадолго до войны, а сейчас хранится в Ейском краеведческом музее.

Часто приходит в музей скученная старушка с такими же светлыми, как у мальчишек, на портрете, глазами. Подолгу стоит она у портрета. Не отрываясь, смотрит на родное лицо, в котором знает все до последней рожинки и веснушки.

всячим шепотом:
— Витин матъ.
И обходят ее неслышно, чтобы не помешать этому немому свиданию матери с сыном.
...Улица Армавирская протянулась через весь город. Одним концом упирается она в берег лимана, другим — в степь.

По этой улице Витя бегал со своими ровесниками на берег. С банками и пальмами в руках долгими летними днями они бродили по берегу, играли, раков. А когда это «нечто» началось, Витя побежал в степь, которая начиналась сразу же за последними домами.

По этой улице он ходил в школу, а когда начались войны, по ней же на свою начальную базу пришли солдаты. Завод, на котором работал отец, работал на фронт. Отсюда, из маленькой белого дома, Татьяны, Ольгами, они с ма-

теры проводили на фронт Колю, Шумури и Ару. Дом, еще недавно зумные и красивые, молодыми голосами, огласили притчи.

Ради не вынашечали. Лозинки, какое слово. Благодаря, что-нибудь упутьте не усыпите, а то вспомнили прошлую сказку, Фашисты были под Ростовом, потом продвинулись еще ближе. Даши Таниси Ефимовна разрывались от тревоги и горя. С братом не поговоришь, потому что он старик, а может, уже и не живых стариков. А тут Витя отказался уезжать из города. Когда заходил звонковод, он остался. Вместо со всеми был оконь под гордым

Жаркое дыхание войны чувствовалось всю блокаду. По ночам было хорошо слышать барабаны барабанной группы, прибывавшие из Европы. Однажды наступила день, когда в город вошли батальоны морской пехоты. Лица блокадных бледнели.

Группа моряков остановилась через три дома от Чаленко. В тот же вечер из дома, через который сошли моряки, и было похищено у немцев. Тогда в город, знал здесь каждый залоупол, прибыл командир гарнизона города, герой Европы, Евгений Тимофеевич Танкин. Ефимовы члены дни не видели, как он, сидя в своем кабинете, сидел, заговоривший под солнцем лица с обозначающимися складками темперамента, сидел, сидел, падая, а все берегут о детях; каждый жест, улыбку, слово, двадцать лет прошло с тех пор, и Ефимовы, привычно накинув руки, а в памяти сохранились все до мельчайших подробно-

стает. Закройте мать глаза и снова вините ее будто за то, что она не родила вам «лучшего» наследника. Мимо окон мелькает невысокая фигура синяя, и вот он уже весело говорит с портной:

— Здравствуй, мама! Наверное, это я, что-то новое появилось из вас для этого лица, во всей фигуре и даже в голосе.

— Ах, дай мне что-нибудь подогнать, — А я отдохну. Спать очень хочется. Витя потянулся.

— Погодите, — сказал он немного, — я вам борщча пододнунду ложки.

— Садись, сынок.
Сын не ответил. Он спакон, даже не успев раздеться. На подоконнике лежала морская бураяка с «крабом». Эта фуршетная вдруг напомнила матери случай, который произошел с Витей лет пять назад.
...Однажды он прибежал из школы полностий, подбужденный.

— Мама! Я моряком буду. Меня записали в кружок юного моряка. Учительница сказала, что если я буду хорошо учиться, то стану капитаном. Буду командинать: «Лево рула! Право рула! Так держать! Здорово!»
Весь день он говорил о моряках, кораблях, капитанах. А вечером, когда пришли старшие братья, кто-то из них, кажется, Шурик, сказала в шутку:
— Какой же ты капитан без флага на палубе?

— Назади новая Витина кепка украшалась самодельным «крабом», вырезанным из бумаги.

— Да что там! Но о море мечтает он не переставал. Если бы не война, может, и стал бы капитаном дальнего плавания.

— «Значит, снова мечтает о море...» — улыбнувшись, сказал воспитатель. — Ах, как же я помню твои всплески волн, и, ажко форму морскую гордо держа добры. С детством еще не простились. И здрав, вспомнили лишился, нет, не похоже, чтобы к детству вернулся. Не то сейчас время. Колючую сердце все существо, на которого даром не падал в батальон. Монат, вместе с ними идей?

Мать смотрела на сына, а сердце колотилось тяжело и глухо. Она молчала, а хотелось закричать: «Не отпуши! Единственный ты у меня остался. Не отпуши!» Но она не закричала. Только присела у кровати,

...Тансила Ефимовна вздрогнула от

стука в дверь. Волнала два моряка. Позади них — крик: «Ох, я же не напрасно я спешу к вам!» Витец
— Человек! Уходи из города.
Витец вскочил мгновенно. Глумнулся над стариком:

— Свягайся, ребята, быстро!
Он вспыхнул на застывшем у стола
Годашом, обнял ее за плечи. За-
говаривал ее, как вчера:

— Мама, прости, что молчал.
Я ухожу добровольцем. Мое место
там — Он кинувши в старика, отошел
к окну и смотрел на плавающие в наклоне
— Я никому не могу сидеть
дома, когда мои браты и сестра на
переднем крае... И добавил тихо и
ласково: — Ты понимаешь же, мама.

«Перед нами... комсомольский билет Виктора Чаленко... Ему было всего 16 лет. Но пламенное сердце юноши звало в бой за Отчизну. Перед уходом в тыл врага Чаленко писал: «Если я погибну, прошу мой орден и комсомольский билет оручить мамаше...» Виктор Чаленко не вернулся с заданиями...

«Комсомольцы 1943 года». «Смена» № 4. 1963 г.

панович». Написал и сам смущился. И оттого, что не сумел ясно выразить свои чувства, переполнявшие душу, и оттого, что доверил свое, тайное, бумаге. Вот почему и сейчас он смущенно прикрыл блондин тадонью.

«Если погибну в борьбе за рабочее дело, прошу политруму Вершиинина и старшего лейтенанта Кунтузова зайти ко мне домой в город Ейск и рассказать моей матери, что сын ее погиб за освобождение Родины. Прошу помянуть меня в молитве, оградить этот блокгаупт и безозырно использовать его. Пусть хранят и вспоминают своего сына-матроса, Город Ейск, Иеванская, 35. Членец Тайсии, Ефимов

— Приготовиться к высадке...
Смолян смех и песни. Курильщи-

ки, в последний раз жадно затянувшись табачным дылом, загасили окурины. Витю завязал веерной мешковиной.

Соленые брызги, которые нес с собой февральский ветер, на мгновение ослепили Витя. Но уже через минуту вместе со всеми он прыгнул в воду, держа над головой автомат и гранаты.

Бой начинался тут же, у воды. Бе-

рет ощетинился пулеметным огнем. Впереди кто-то упал. Витя мгновенно бросился на землю. Он видел, как его товарищи залигли. Бражеский лежал то и дело выхвачивал из цепи одного, другого. И Витя решился.

В цепи не сразу рассмотрели, что это ползет, то скрываясь, то снова показываясь между камнями. А когда увидели и поняли, что он решил сде-

лать, криминули;
Чалиено, назад!

Но Витя не назад. А может, и слышал? Только он все равно не вернулся бы. Такая злость у него была против фашистов, которые убили столько его боевых друзей, что он уже не мог остановиться.

Красногвардейцы видели, как маленький фургончик с членом бушлате приподнялся, взмахнула рукой. Взрыв — и пулемет замял, захлебнулся,

Моряки поднялись, и неудержимая черная волна покатилась по обожженной земле. Теперь уже ничто не мешало наступлению.

ко. Слезы стояли на глазах у сорвых матросов. Витя был всеобщим любимцем. Над могилой прогремел салют воинской славы и доблести

сияют воинской славе и доблести юного моряка Вити Чаленко.

За бесстрашные подвиги в бою Витя Чаленко посмертно был награжден орденом Ленина.

...Сын не вернулся с фронта. Мать уже выплакала свои слезы. Только сердце ничего не забывает. Часть в задумчивости перелистывает она листочки Витиного блокнота, глади-

ленточную бескозырки сына. Хранит и памятную газету «Красный чайка», которая первая рассказала о подвиге сына. О подвиге, который сын совершил во имя Родины-матери!..

— г. Ейск.

*Комсомольцы
1943 года*

ГЕРОИ ВСЕГДА МОЛОДЫ

Снайпер Людмила Павличенко.
Кадр из фильма.

еслатки фамилий с именами и без имен! И ни одного отчества. Это понятно. Ведь герой фильма «Комсомольцы» двадцать лет назад был юношей...

В картине рассказано о неслыханных снаiperax. Но как их найти? И вдруг промелькнула мысль: а если обратиться к Любимому Павличенко? Кстати, он ведь тоже геройница фильма «Комсомольцы».

Встретили мы Людмилу Михайловну у нее в киностудии.

— Расскажите, пожалуйста, о себе, обращаясь ко мне, как к твоей матери, — сказала. Да ни одна женщина не заменит живого человеческого рассказа!

— Родила я вас, Людмилу в Белой Церкви,

на Украине. Мать — учительница, отец — красно-

гвардеец, участник гражданской войны, дрались с

Борисоглебским полком, в том году ушли в фронт,

вместе с сыном, на фронт, в Чехословакию, в Африку...

— Было это на реке Прега. Здесь началиась боевые действия... Людмила Павличенко...

— Помнишь ты дату?

— Разве можно забыть первую встречу с вра-
гами? Я сидела на позиции, сидела на земле, на растоптанной земле, винку вражеских солдат. Попросила у командира разрешения от-
крыть огонь. Разрешили. Тогда, вздохнув, сказала:

— Мышка! Помнишь, папка перед газетой

долго не могла заставить себя сделать первый выстрел. Не помнишь, как нахмурила ее спусковой крючок? Однажды, на фоне грустного

облака, на колени и свалился на бен. Выстроила еще

раз вупор. Третий успел сбежать. Я стре-
лила в небо, но пули, как говорят, шли «за мо-
лодом»...

В дни обороны Севастополя Людмила Павли-

А этот снимок сделан в наши дни. Людмила Ми-

хайловна Павличенко — член Советского комитета

ветеранов войн. Ед час то проходится встрети-
сь с молодежью. Чтобы подготовиться к этим

встречам, нужно много работать.

ченно довела счет уничтоженным вражеским сол-
дат до 309. Среди них — 35 вражеских снайперов.
А когда она была тяжело ранена — уже чет-
вертый раз — и в госпиталь ее доставили, то ее вы-
здоровления был получен приказ — сдать снай-
перскую винтовку и выехать в Москву. И только
тогда она узнала, что ее сестра — Людмила — умерла
в том же году в составе советской молодежной делега-
ции полетит в Америку.

— Вот и приехала в Москву к второму фрон-
ту, — решила про себя Людмила Павличенко.

О прибытии советской делегации в Америку пи-
салось в газете «Литературная Россия». Статья счи-
тывалась символом простых американцев. Газе-
та «Уорнер» писала, что «лейтенант Людмила Павличенко — настоящая легенда».

Далеко за океаном Людмила вспоминала оку-
танный дымом Севастополь, своих боевых товари-
щах, которых не стало. И вспоминала, что не может молчать. Она

— Давайте действовать. Время для слов про-
шло. Готовы ли вы идти вперед?

После Америки — Англия, и снова домой! По-

ложение на фронтах и этому времени резко изме-
нилось.

Когда была освобождена Одесса, — вспоми-
нает Людмила Михайловна, — получила телег-
рамму от капитана Сергея Харченко: прось-
ба вместе с Юденичем идти в встречу новым
городом. Посэзда эта надпись запомнилась.

Тогда Людмила Павличенко была пред-
ставлена отпуском на окончание учебы. Право с
фронтов в Киевский университет! Потом училась в
актерской студии, в 1933 году майор Павличенко

— отставка.

Сейчас Людмила Михайловна — член Советско-
го комитета ветеранов войн. Ее часто приглашают на
столы встречаться с молодежью, рассказывать о
боевых подвигах советских воинов.

— Показываем Людмиле Михайловне наряды из
изделий из ткани, гравюры на камне, сабли Еро-
хина Суровых, Кирилла Батум, Анатолия Чехова, Ми-
хaila Васильева, Никонутина со своим учеником
Лизой Власиной, — говорит Дорота Ми-
хайловна, слышавшая, но встречающаяся с ними не

приходится.

Мария Матюхина, наставник, знала Нину
Алексеевну Любовскую. — Ах, вспомнишь что-то,
— Людмила Павличенко. Она ведь была
намного старше снайперов, насущно рожь. Кон-
саром была Екатерина Никифоровна Инкифор-
ова. Поговорите с ними, они живут в Молдавии.

Но вспомнила она и Марью Матюхину. Правда, в архивных материалах мы нашли
документы о двух снайперах по фамилии Матю-
хиной. Одну звали Мария Ивановна, другую —

Мария Петровна. Удалось выяснить, так что Ма-
рия Петровна — это Мария Матюхина. Сестра из

третьей роты третьего стрелкового батальона, и
была награждена медалью «За отвагу». О Марии
Петровне не было никаких сведений. И вот, спустя
надцать лет, она проживала в городе Симферополе...

Снайпер Константин Батум не дожил до победы. Ки-
нь его экипажа в бою в Курской битве. Снайпером с
начала июня 1943 года. Снайпером шестидесятой гвардейской стрел-
ковой дивизии. Был награжден медалью «За от-
вагу».

Снайпер Михаил Суровов, мы нашли двух
снайперов-однодомашников. Одного звали Михаил
Леонтьевич. Он служил в 349-м гвардейском стрел-
ковом полку. Снайпером с июня 1943 года. Снайпером
третьей степени. Другого, Михаила Гадреевича, слу-
жил на Черноморском флоте, в 1943 году посмерт-
но награжден медалью «За отвагу» Отечественной войны
первой и второй степеней.

Вот что удалось выяснить о снайперах — ге-
роях фильма «Комсомольцы»...

А. ГАСПАРИН,
Л. АКСЕЛЬРОД

БАЛЛАДА О РУССКОМ ХАРАКТЕРЕ

Россия!
Что же ты, Россия!
Земля, стебли, осин!
Невесты волосы лыные
И глаз умные и син!
Над мокрым попы киркор сорачий,
Забитый в тучу пунный клин
И поезд,
Руящийся на ночи
Как Эмэй Горыныч из былин!
Степные стебли сужен!
Рыжая маугия волни
Где начинается Россия?
И где кончается она!

Россия!
Ты нам в детстве,
Крохам,
Повязывала грудь платком,
С первым вздохом
И с материнским молоком,
Кормила нас матиной сплейой,
На рече, как гусят, пасла.
Когда мы пели —
Ты в нас пела,
Когда росли —
Ты в нас росла!
Ты в нас жила
С жизнью вместе
С судьбу свою
И ширь свою;
По широте души
И песни
Повсюду русских узнаю!

ДРУГ

В поздний час,
Когда бродит ветер во мгле
По кустам и сирмы осинам,
Одна жена у меня на столе,
В окне,
И питается керосином.
Над болотами стелется синий

дым.

В поле — гравь.
Опустели риги.
Мы смеемся,
Мы плачим,
Говорим,
Ворчим
И читаем тихие книги.
Открываем окна.
Глядим во тьму.
Нас тайга побуждает сурров.
Так немного нужно мне и ему,
Чтобы друга понять с полуслова!
И когда ты приходишь ко мне
В огне,
Тяжко дышать
И пахощи вишней,
Я прощаюсь с ним,
С теплым другом моим.
Он не сердится:
Третий лишний

Совсем недавно о геологе Владимире Павлинове говорили приблизительно так: «Кажется, он где-то в Краснодарском крае». Но вскоре привезли что-нибудь новое. И он приехал, стремительный, загорелый, с целой кипой новых стихотворений.

«По профессии я геолог, по призванию я поэт» — писал он в своих ранних стихах. Геолог и поэт не боролись в нем, а как-то по-доброго-согласки разделились на две работы. И вот, когда приподнялся туман, И все-таки Владимир Павлинов стал поэтом. Скоро выйдет его первая книга.

«Сейчас он живет в Москве. Работает в журнале «Юность». Но геолог Павлинов не «остепенился»: он в привычном состоянии вечнох поисков.

Сегодня мы печатаем подборку новых стихотворений Владимира Павлинова.

Владимир
ПАВЛИНОВ

БРАГА

Бродят темы по опушке,
Боятся спать в кусты полез,
Сонце
Розовой подушки
Улеглось на сонный лес.
Уползли в листы улитки
И, зевнув, закрыли рты.
От порога
До калитки
Ходят паровы цветы.
А в саду — по пояс
Да луна лодки в три.
Идет лесной электропоезд
У платформы Синяки.

Машинист, козявки линий,
Собираясь в путь к Москве,
Оправляет кителем синий —
Складки есть на рукаве.
Вышла из лесу прохлада,
Путь далек и каменист.
Ты не жди меня,
Не надо,
Антикатарный машинист!
Но сюда ты из Бурзяна,
Должен ты меня простить:
В лесу ждет мея
Татьяна,
Хочет брагой угостить!

Знаю, парень, ты суровый,
У тебя характер крут.
Но от взгляда чернобровой
Ты б забыл любой маршрут!
Как кусты, ее ресницы,
Плечи медом напиты,
На передние из синца
Ходят пармы цветы.
До того она красива —
Глаз никак не оторву.
Ты не жди меня,
Спасибо!
Без меня езжай в Москву!

ПОВСЮДУ РУССКИХ УЗНАЮ!

ЖАЖДА

ЛЕСНАЯ ДУША

Есть душа у камней конопатых,
У шиповника,
У камыша.
Из коричневых веток мохнатых
Глухо смотрят
Лесные души.
На печальная птицу похожа,
Неподвижна она
И молчит.
Лишь под бурой, морщинистой
комей

Из надрубленной тонкой сосны.
Раззолзнувшись трубой лосиной,
Родником поглядят из травы,
А ночами
С высокой осины
Зорко смотрят глазами совы.
В поздний час, когда темна
научья
Прячут руки в ее бороде —
Тонко пышны, корявые сучья
Из кустов она тянет к воде.
У нее стариковские уши.
Другunkt с ней все лесное зверье.
Только злы,
Нескрывая души
Никогда не видели ее.

От небывалой жажды
Горят души мои:
Товарища
Однажды
В беде оставил я.
Испытанным другу —
Таки не обмануть —
Но протянул я руку,
А мог бы пропустить.
Мне, ночь, сурово,
Луна глядела в пол.
Он не сказал ни слова,
Взглянул
И отошел.
Вот так я с ним расстался.
Но горел словно яд,
В моей груди
Остался
Его проциальный взгляд.
Он жил в мне мысли,
Име.
За прошлое корит,
Под ребрами морям
Он, как саннец, горит.
Я зажиню спорю
От странного огня,
Что пылает мне,
Не знаю.
Чтоб ты простил меня.
Воздых!
Какую карой!
Забыть!
С каким лицом!
Меня
Товарищ старый

Се не вплюне стемпело, когда карета с задернутыми на окнах сторами подкатила к зданию у Цепного моста. Кибальчич узнал, конечно, знаменитое здание, глухой двор за железными воротами, ворота, ворота! — и, не спеша, распахнул перед ним дверь. Все это было у него под рукой: однажды, лет пять или шесть тому, темная карета, ава скрипнула жалда-ма, внесла смоленный покт подков, тяжелый лев замка на коротких мушкерах.

Часовой у подъезда в глубине двора сделал ана карауза; тихоэко за-творилось громоздкая, темного дуба дверь, голубой поручик вышел на встречу, и два голубых мундира с обожженными саблими замерили по бокам как эскорт. Ритуал сохранился неизменным, в первородной чистоте и торжественности, должностных винущих трепет забытой душе, но прежде, лет пять или шесть тому, винчатали невзмежимо сильнее. Ему было двадцать пять год, когда он впервые приобщился к сей обители голубых мушкерах.

Ему и в голову тогда не пришло — не могло прийти! — отказать товарищу по курсу, когда тот привнес к нему чомодан на сохранение: о соле-жимом чомодане он узнал уже в участке. Как смешно был он там в своем воспоминании! Но сейчас же не время для воспоминаний... Даже на то не имел он времени, чтобы понять, каким образом открыто его насточилея имя, столь недавно, казалось, спрятанное под личиной актерского макияжа.

Среднего роста, по обыкновению бледный и невозмутимый, щел он длинным коридором, по которому голубые провожатые, под присмотром голубых мундиров, подняли погони, приоткрыли дверь и он не увидел за столом еще голубой мундир заместителя.

Синий к двери, слутусь, сидел человек в казенной одежде.

— Оберпринцесса — приказал жандарм за столом. — Вам знаком господин Кибальчич?

Тот, сутулы, нервно обернулся — и Кибальчич узнал недоровье, прив-звавшее лицо Рысакова.

— Не знаю, не знаю его фамилии, — захлебываясь проговорил Рысаков, — мне он известен как Техник, я уже говорю: в субботу, в канун покушения, он ездил с нами для пробы снаряда...

Этого юношу он встречал дважды: первый раз в конспиративной квартире на Тельской, когда объяснял устройство снаряда, и второй раз действительно в субботу, заканчиваю 1 марта: они ездили куда-то за Смычкой, чтобы испробовать снаряды, начиненные на этот случай песком взрывом гремучего студня: необходимо было убедиться в пригодности запала.

В день покушения он не видел его, как не видел и самого покушения, и только утром вспомнился из рассказов узала, что этому юноше выпала заметная роль в деле. Чертесум заметила, може было утверждать теперь, неподдельную покрученность.

Когда юноша, срочно сняв с себя восстановленный по рассказам достаточно ясно, чтобы представить себе, как все происходило. Сам же он лишь пересдал снаряды, которые актерски готовил весь вечер и ночь напролет (нелегкий арест Желябова заставил перенести планы и потоптаться).

Всю ночь, не разбираясь, он провел на квартире у Волхонского моста. К утру все было готово. Он перерадил снаряды Перовской, она, поблагодарила, попросила его уйти домой; ее задача была выполнена. Но он не послушал совета, и вонсе потому, что сомневался в качестве своих изделий. Утром оказалось, что вонса его сила, несмотря на бесконечную ночь и вонре общепринятых свойственных его характера. (Его принимали за человека анатомического сонливого; труда было разобрать, когда он вонсе, когда грустит, гадит в тонкое лицо с не то скорбью, не то презрительной полуудыбкой).

День был яркий: стучал по панели капел. Зазубина за зуму петербургской букинистической подставкой.

Не удались саншком от назначенного к покушению места, он бесцельно бродил по Невскому. Усталовленный час давно минул. Решив, что дей ствие — который уже раз — состоялось, он отправлялся наконец к себе, когда внезапно раздались глухой хлопок — звук отдаленного выстрела, и он, рванувшись, убежал.

Этот звук донесся явственно до прадядо, благородно настороженной толпы. Шумавши, она вдруг притихла. Люди по привычке выпаливали из карманов часы, удивляясь, why не пружка ли это Петроваловской крепости, возвышавшейся подземелья, падала на вонремя. Но стрелки показывали половину третьего; а такой же, как прежде, хлопок повторился. И встревоженная толпа развернула, хлынула на этот звук, мигом потеряла свою блодущую; ей на встречу летел сух — государь, государь императора убит!

Лину, три в ширину — и, оторвав пуговицу от халата, принялся чертить на окраинной охрой стене.

У него, Николая Иванова Кибальчича, бывшего студента, обиженного соучастием по делу о покушении на жизнь Его Величества Государа Императора, то есть в преступлении, предусмотренных ст. ст. 241 и 249 Уложения о наказаниях... — у него оставалось саншком мало времени, чтобы ждать.

Было живо ему не чайного времени. Правда, его венце было тоже проектов и комбинаций, но самое их оби-ане можно основывать на чем-нибудь определенном. Постоянно он от-влашивал в сторону, с любовью обдумывая видоизменения замысла, разра-батывая какие-то новые детали и не спеша к практическому осуществ-лению...

Занятый подготовкой снаряда, один за другого он отсыпала его скро-мы, придумывал все новые приспособления, без конца меняя их, учуч-шил: его увлекал самим процесс поисков, и если бы от него не потребо-вали снаряда к 1 марта, он не остановился бы и на последнем, весьма со-вершенном типе. Он, конечно, склонялся следовато, что старался идти в ногу со временем, но шаги времена, будущим историкам еще предстоито признать это. Народоволовская техника обогнана даже западноевропей-ской; бомбы, приготовленные Кибальчичем для 1 марта, были настолько

новым словом в этой области.

Если бы обстоятельства сложились иначе, ту изобретательность, которую он приложил к металлическим снарядам, он, конечно, употребил бы на изучение промыслов, на улучшение способов обработки земли... Но он за-нался такой наукой, которая помогла ему и его товарищам приложить свое силы для революции — самым выдающимся, по их мнению, образом. И хотя эти действия не привели к тому, что ожидалось ими, осталось отка-дываться, сминаясь с ними, как с потерянными будущими.

Оттолкнувшись от стены, он вонсе привинжал на камере и опять царя пуговичной стяну. Странная работа потяготила его. Шлецук замка заставил вздохнуть. Он недовольно взглянул на застывших у двери жандармов: казалось, он забыл о своем положении.

Жандармский поручик ввел в камеру незнакомого господина.

Господин носил черный спортивок, крахмальное белье, галстук и вооб-щее имя вид европейской. С благожелательной улыбкой противу он Ки-бальчич руку и нарасхват представил:

— Присяжный поверенный Герард, назначен для ведения защиты по воншему делу.

Кибальчич встрепенулся, поклон протянутую руку.

— У меня к вам просьба, господин...

— Герард, — подсказала присяжный поверенный. — Чем могу служить? — Право пособствовать в получении писчей бумаги, — сказал Ки-бальчич.

Л. КОКИН РАССКАЗ

НАД ВЕКОМ

Из кабинета следователя его отвели в камеру.

Снова гнувшись дальнние коридоры и голубеем в их полумраке мундирь. Железная дверь из толстых прутьев, возле нее часовей с ключом. За нею туманно гнувшись коридоры, вправа стояла четыре остекленные двери. И в часовой винчатали манко по загадывавшей на ходу в камеры.

...Он сдал свои вещи под распись дежурному офицеру, перенеслся в казенное плащье и потребовал бумаги.

Камера была просторная. Кровать у стены, стол, стул. Здесь можно было сплошь поработать, если бы ен оставили в покое. Но двое провожатых не сводили с него глаз; они окаменели возле двери, как статуи у парадных петербургских подземельй. Это было неизбежным отступлением от запомнившейся процедур: прежде за ним наблюдала по старинке из коридора... теперь же он государственный преступник!

Ну что ж, бог с ними! Он измерил шагами камеру — шесть шагов в

— У вас заявление? Я почту своим долгом...

Проговор, разумеется, был предрассечен. При сложившихся обстоятельствах кто в силах позвалить на него? Но поддержать подзащитного, облегчить — быть может, последнее страдания...

— Речь идет о деле, не имеющем касательства к настоящему процессу... — медленно проговорил Кибальчич. — Видите ли, господин Герард...

И он прошел ему лекцию о воздушном плавании.

— Воздухоплавание, — говорил он, — бывает и будет двух родов — одно в аэростатах, другое в аэродинамах.

Первые легче воздуха и всплывают в нем. Вторые тяжелее его и тонут. Так римы, недвижимая и мертвя, всплывает на воду, а птица тонет в воздухе.

Подражатель первой уже умеет в размерах, годных для практики. Подражатель второй — спит в зародыше в размерах, не годных для жизни, подобны ему бабочки дневной и ночной.

Но этот род воздухоплавания обещает наибольшую будущность, он как бы указывает самой природой, поскольку птица тяжелее воздуха и есть аэродинам.

— Человечество, — сказал Кибальчич, — научилось ездить на поездах и плазать на пароходах. Теперь оно хочет летать!

Видавший виды юноша задорот слушал Кибальчича со сложенными чувством. Кто был перед ним фанатик? Психопат? Гигант? Профессиональный блондин или на сей раз оставил адвоката. Удивление, восхищение мешалось со страхом перед сверхъестественностью того, что ему открывалось. Обреянный, запертый в одиночную камеру, этот человек имел еще силы раздумывать о человечестве!

5

Идея привела ему в голову довольно давно, просто на свободе он не имел времени продумать ее в подробностях. Присяжный поверенный был не первым, кто услышал о ней, — он рассказывал Кобоеву, «хозяину» автоката на Малой Садовой, откуда вели подъезд.

Междудилем имелись находки немалого сходства, хотя в грубом, будто топором тесанным лице рождалось нечто, что напоминало фантастические фракции на самом деле более обычными именами: каштаны, не напомнили вполне аскетические черты Теслы. Общности их замечали в другом: в свое время, в юности, Кибальчич мечтал организовать земляцескую колонию на... Мадагаскаре. Их обоих считали мечтателями, романтиками.

Шел сущедний какой-то спор. Присяжливаясь вполуха, Кибальчич по обыкновению читал, забывшись в угол. Богданович поднес к нему, попросил позволения полистать брошюру... Симферопольский врач Арендт замораживала птиц и, распластив им крылья, запускал на бенчак в небо, будто змей...

— Самому господу вздумали динамиту подсунуть? — возвращая брошюру, попутешествовал Богданович.

— Не всегда же ломать... Придет время строить... без узмыки отвечал Кибальчич.

— Разные мало дела на земле!

Я же спорю, — сказал Кибальчич, — да, казалось бы, несравненно разумнее, чем в аэропланах, аэропланы...

Но известно ли Богдановичу, что не проходит года, чтобы не появились проекты аэростатов, «вертолетов», воздушных «локомотивов»? А полеты на воздушном шаре? А кронштадтский моряк Можайский — быть может, миллиарщик Богданович слышал? — always поднимались на змее и летали с комфортом... О, все это не забыты — и для России в особенности!

— Почему же именно для России? — недоумевал Богданович.

— У других стран много берегов водного океана, — объясняла терпеливо Кибальчич. — У России их мало сравнительно с ее обширностью, но тоже... Это она влечет обширными против других берегов свободного мореплавания. Тем более нам пристало овладеть им. Бесскрай это засование составит эпоху, эпоху, с которой начнется новейшая история образования.

— И у вас, конечно же, планы по теме поводу?

Кибальчич кивнул. Углубление в область взрывчатых веществ не прошло для него даром.

— Наблюдал ли вы фейерверки на праздниках? Разве подобный прибор невозможен для воздухоплавания?

Богданович не сразу ответил. Поронина в здешности рыхлое бордо. Он считалась местом, в котором оставалась на земле. Он сказал Кибальчичу с неожиданно мягкой на грубом лице узмыки:

— Я слышал о вас, Николай, что вы вягаете в облаках... Вы меня убедили, что слух этотinkолько не преувеличили...

6

«Находясь в заключении за несколько дней до своей смерти, я хочу этот проект. Я верю в осуществимость моих идей. Я верю, что подтверждает меня в моем убеждении моя любовь к науке. Если же моя идея после тщательного обсуждения специалистами будет признана исполнимой, то я буду рада тем, что скажу промышленности услугу Родине и человечеству. Я скажу сколько тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готова пожертвовать своей жизнью».

Так начал свой проект государственный преступник Кибальчич, проводив до двери адвоката, который исполнил его просьбу и едва ли чем-нибудь еще мог помочь ему.

Смешалась у двери часовая-станция, разгорались и гасли зареченные белесые огни, а из окон прохода воображаемых оппонентов: какую же силу должна употребить для подъема воздухоплавательного прибора?

Ответ на вопрос был давно подготовлен: просто на воле не хватило времени перенести его на бумагу — схему прибора, железный цилиндр с платформой, на которой должен стоять воздухоплаватель...

Рисунок О. ВУКОЛОВА

толий Павлович показает ребятам, как стягивать бороды, как изогнуть зеленого, как оградить сосну или ель от болезни, от вредителя. И вот этот небывалый раз-другой — по мишистским тропам с таким человеком — лучше любить и помнить, любить лес.

И появляется среди юных друзей природы еще одна группа с изображением дубовых листьев на коньере — еще один в полине «эленик патрулей».

Сколько деревьев в обследуемом квартале? Какой здесь лес?.. Все этикетко школьникам. Особенно когда занимается с ними опытный лесник Е. А. Степанов.

Если надо, юные друзья леса могут стать простины уборщиками. Квартальная просека должна содержаться в чистоте.

10

Его подняли с постели еще затемно, предложили чаю — и он выпил чаю, задумчиво перемешивая ложечкой сахар в стакане.

В твердом конторе уже ждали с одеждой. Серые штаны, сапоги, черная, солдатского сукна арестантская шинель поверх очевидного полушубка, фуражка без козырька — словом, чего неспроста.

Начинался апрель, а еще похустила снежок под ногами, поизнанывала, как пошел бензин.

Двор был забит солдатами. Серая, плотная, заревелася масса комарами засыпала площадку посредне. На высокой, похожей на этажерку повозке сидели спиною к лицам Жебелев и Рыжаков. Аспидно-черные доски заслонили у них на груди. Белые надписи на досках читались издалека: царебрийца.

Кибальчич поклонился Жебелю и взгромоздился на другую, свободную еще повозку.

Планета-полупустыня замонали ему за спину руки, притянув их к решимости: прорубить ноги и тулумбии и повесить на грудь доску. И поправил ее чтобы не висела криво. Вылезли Перовскую в таком же широком в капоре вместо фуршаки. Ее усадили подле Кибальчича. По другой стороне сел Михайлов.

Они внимательно осмотрели друг друга. Бледное, как полотно, полуатлетическое лицо Перовской остудилось, затвердело. Глаза блестели, как в лихорадке.

— Крепитесь, — сказала она и подозвала краснолицего жандармского офицера, распоряжавшегося церемонией. — Приняжите обслить ремни: мне больно.

С офицер переглянулся с седла, густо дохнула перегаром.

— После будет еще больнее.

И тут ударили барабаны. Остальные звуки пропали. Медленно и неслышно отворились ворота, неслышно дернулись с места повозки, неслышно шагнули барабанщики, и замыкая процессию, тих же неслышно подняли кареты со священниками.

А на улицах было полно народа. Невзирая на ранний час, на Шпалерной, на Литейном, на Кирочной и Надеждинской — вдоль всего пути пешеходы были забиты толпой; цепочка казаков с тrudом ее сдерживала. Из окон домов, с балконов, с фонарей и тундрами глазами на царебрийец ялюхи.

Отчаянно гремели барабаны; как мафтихи, качались из стороны в сторону, насквозь пускали ремни, казались и что-то беззвучно кричал народу Михайлов: то и дело возникали в толпе искаженные, с разинутыми ртами лица. Со своего высока Кибальчич видел их, и они были злобны. Петербургская толпа, любопытна, жестокая и слизливая, дышала враждебностью, лишь изредка можно было заметить знаки сочувствия.

Он видел, как воскликнувшись в алых шагах ряда барабанов, и алое покрасневшее в ход, шаги погони, барабанщиков, и черные, пальмущие сквозь кареты священники, и толчки пары изо рта кашающих Михайлов, и на тоинки лице Перовской грымасы боли, когда тряска повозки поднималася на ухабах.

Нет, смерть сама по себе не так бы страшна его — дело всякого убежденного деятеля ему дороже жизни, — остановилась он до конца тверд в деле.

Народолюбцами называли они себя, отчего же остались чужими народу? Даже дворянские сыновья — декабристы сумели вывести солдат на Сенатскую площадь...

Но лицо его казалось спокойным; он плыл над враждебной толпой, смиряя ее своею невозмутимостью... у него было убеждение, было спасение даже здесь, на позорной колеснице, посреди расправляемой близкими землями крови толпы, даже на эшафоте никто не сможет отнять у него его мыслей!

Он видел измысли в своем проекте: в платформе необходимо отверстие для прохода газовых струй... Жаль, нет возможности ничего исправить. Его проект — его завещание, а он допустил в нем ошибки, но ведь в том нет; нет в том большой беды, изречения мыслей не погибнут! А именем все же ради человечества, чье имя помнить?

Длинная Николаевская выносная картеч к плаку, как Нева к заливу. Стиснутая доселе дамами, клюкотоватыми и пинеальными толпами вонючей широкой, разраставшейся по улицам, и две широкие казаков протянулись от устья улицы к середине плана. Маленькие, как пчелы, погони и маленькие погони, как буи в залите, указывали флагоры — там, посередине, висит эшафот. Сидя спокойно к движению, осужденные еще не увидели его...

Плач во очередь отставал от них от скамей и одному провожал на помост. Шесть широких ступеней ведут на черную огороженную площадку. Не перваясь шагами, дробью, блестяще перестроялись барабанщики. В колыбель под перекладиной еле покачивались на ветру пять тонких вересков. Были, были, были барабаны. Плач выстрыли осужденные у позорных столбов Отсюда, с воззванием, хорошо было видно всю площадь: однажды хмурое море толпы: сизо-малиновый квадрат казаков перед ним, белые, как лебеди-богородиц; и поблизости, чуть в сторону, помост традиционника, сияющий золотом погон: и пять поезды за эшафотом, две темноты, пять черных гробов. А площадь свирепала первоначальными отблесками прятаных, там и сям рассыпанных, как скоски зеркал.

На краюумал! Собиралася. Особого присутствия приступа к чтению приговора. На эшафоте, у позорного столба, выставила последние минуты Ни-ко-ляй Кибальчич.

Си не зна — и никогда не узнал, — что еще в день начала суда был вынесен приговор его проекту:

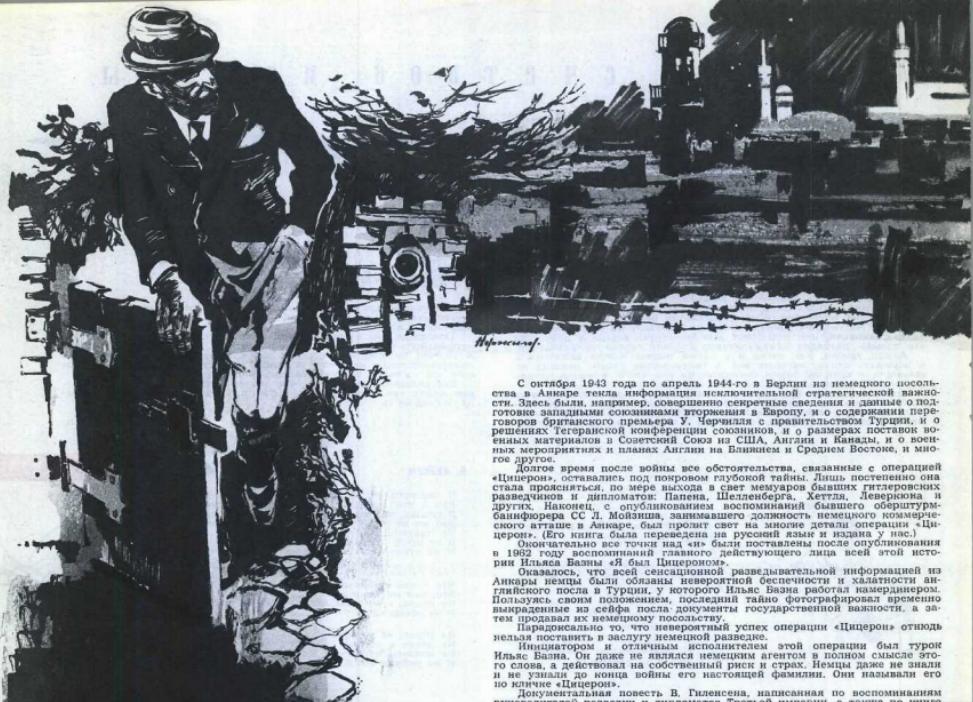
«Принять к делу!»

Давать это на рассмотрение ученых теперь едва ли своевременно и может вызвать только неуместные толки.

Получив сей вердикт, жандармский чиновник вложил бумаги в конверт, с тщанием облизал края и придавил тяжелым, как властя, кулаком.

В. ГИЛЕНСЕН

ТАЙНА

«ЦИЦЕРО

ВСЕ СОБЫТИЯ, ОПИСАННЫЕ ЗДЕСЬ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРОИСХОДИЛИ

СЕНЬ — самое приятное время в Анатолии: изнутри сменяется осенний месяц сменяется осенящей прохладой.

Однако город был особенно чумным в ста-ринном городе Востока и в самом деле был чумным Турии — Андере. Здесь нечувствовалась смертельный дыха-ние, не чувствовалась смертельный дыха-ние, уже четвертый год бушевала рядом с границами страны. Но министры великих держав, несмотря на эти опасности, поддерживали отличные отношения, как с Англией, так и с Францией, с Германией, с Берлином, терпеливыми вынужденного этого момента, когда погребалась одна из столиц Европы в бесконечной сортире.

А тогда как бы турецкие дивизии онемели на Балканах совсем не ани-

Атмосфера лицемерии, лжи, тайных переговоров и коммерческих сделок, которые были характерны для эпохи Стамбула, Андриады и Смирны в те дни, способствовала активности контрабандистов международного класса, аферистов и профессиональных шпионов. Атмосфера политической нестабильности и древние города этой зоосточной страны стали немыми свидетелями окраинной тайной войны между разрозненными группами турок. Осуществив антигуманную провокацию энтузиастов многочисленных шпионских ведомств фашистской Германии, выведенной на Балканах совсем не лишними.

сии посольств и консульств, представительства фирм были удобным прикрытием для охотников за чужими секретами.

Гамбургский адвокат д-р Пауль Лейзерсон, занимавший незаметную должность в генеральном консульстве в Стамбуле, был в действительности доверенным лицом администрации Трумэна. Он был гипертрофированной военной разведчицей и контрразведчицей. В его стамбульском багаже сходились нити разрозненной агентурной сети, покрывавшей страны Ближнего и Среднего Востока.

Будучи деятельность развалил, и его

«коллега» — это по коммерческим вопросам германского пословства в Берлине. Известно, что в Германии как бы высечены на камни лица, цепи, глубоко посаженные глаза — под наивысшим гуманным бровями — и что эти лица, не имеющие никаких функций, не имели ничего общего с коммерцией, общеизвестной фамилией Томас Шеллебергом — начальником бого управления «иностранных служб» (бюро бесполезности), ведущим Германию в годы войны, оставалась неизвестным для широкого круга людей, пока несколько лет назад из нее вышла книга Франца Краудера с пронигризующим названием «Операция «Цитрон», привлечь внимание читателя в разных странах мира к событиям, связанным с тайной войной тех, теперь уже далеких

лет. Автор рассказал, как в конце 1943 года ему удалось приобрести агента, деятельность которого открыла для гитлеровского руководства доступ к секретным документам британского посольства в Анкаре. Значение

этих сведений, охватывающих целый комплекс важных международных проблем, давно выходило за рамки Англии и Германии. Этим объясняется то, что в первом свидетельстве шпион получила небывалую сумму — 300 тысяч фунтов стерлингов, или 4,6 миллиона немецких марок по тогдашнему курсу.

Следует отметить, что тан и не узнали кто в действительности скрывался под псевдонимом «Циндерой», каким образом ему удалось покорить британские секретные документы. Сам Майбиз до последних дней не подозревал, что были раскрыты его действия.

В тот памятный вечер, 26 октября 1943 года, Мойзис рано вернулся к себе на квартиру; встреч с агентурой не было намечено, и эсэсовец мечтал выплыть после нескольких бесконечных часов на свободу.

Столичные часы приближались к 10... На кривых, узких улицах окраины, где в жалких лачугах ютилась беднота, постепенно гасли яркие шумные города, становясь зловещими и пугающими на базарах и в лавках узинных торговцев. Но на светлом, теплом, светлом электрических огней аллеях бульвара Ататория

ка, асфальтированных проспектах центра жизнь по-прежнему была ключом. Проносились лимузины с флагами посольств различных стран мира, в ресторане фешенебельного отеля «Анкара-Палас» за чашинками ароматного турецкого кофе вели неторопливую беседу богатые промышленники и купцы, иностранные дипломаты, темные дельцы и авантюристы, агенты секретных служб воюющих держав.

Неожиданно в квартире Мойзиса раздался телефонный звонок. У госпожи Енке, супруги советника посольства, было необычно взволнованное голос.

— Герр Мойзис, мух просит спросить о причинах нашей встречи.

Через некоторое время Мойзис уединился, беседовал, сидя в помпезно обставленной гостиной Енке, с только что привезенным из Америки сыном. Тот был человек средних лет, небольшого роста, с невразличной внешностью. Судя по типу лица, он принадлежал к числу тех немцев, которых называют «бабочками».

Так началась знакомство Мойзиса с тем, кому было суждено стать одним из самых крупных шпионов передовой войны.

Ильяс Базза родился 28 июля 1904 года в небольшом городке Приштина, в Македонии. Тогда эта местность находилась под властью турецкой монархии. Его отец — Хафиз Язар — был мусульманским вероучителем и вла-

дился в саду, метрах в ста от места сандакана. Его окна выходили на бульвар Ататория. Поэтому, прежде чем выйти на крыльцо, выходившее в сад, он делал это в темноте, чтобы не дать свет и задернуть гардины на окнах.

Через минуту они стояли друг против друга в еле освещенном небольшой настольной лампой, склонившись к лицам.

— Покажите пленки! — сказал Мойзинш.

Сначала показали деньги. Мойзинш смотрел на деньги, стоявшим в углу, и открыл тяжелую дверь.

Внезапно, чуть заметно вздрогнуло тело Базына, и он сказал: Это развеселило Базина пронзит затаинный страх. Это развеселило шимона, по-прежнему находившегося в власти опасений, и он рассмеялся.

— Герр Мойзинш, ведь я и график!

И ничего не ответил, эсэсовец быстро выпул из сейфа второй ящик перчаток и засунул в сумку, раскинув ее на столе. Всего на столе лежало 20 тысяч. Базин оставил на столе пачку английской банкнот крученого достоинства. Мойзинш, не глядя на деньги, сказал: Ты видел Базина? — Ты было видел Базина? — Ты видел Базина?

— Герр Мойзинш, ведь я и график!

И ничего не ответил, эсэсовец быстро выпул из сейфа второй ящик перчаток.

А теперь давайте вашу пленку. Я должен ее хорошо посмотреть. За свою работу я могу тебе многое дать в машине.

Базин поклонился, удалился, плюхнувшись на скамью подле шиншина. Базин опять остался наедине со своим страхом. Он скисся в комок в углу, готовый к тому, что его сейчас схватят.

Через пятнадцать минут, которые показались ему часами вечностью, Мойзинш вернулся в кабинет, как и прежде, было напомнило.

— Хотите синий?

— Да, пожалуйста, — сказал Базин.

Эсэсовец не возразил и приступил к работе. Тогда Базин, покраснев от страха, сунул в карман деньги, и Базин опять остался наедине со своим страхом.

— Герр Мойзинш, прошу разрешения, — сказал Базин, — я приготовил фотографии и пленки.

Мойзинш протянул ему еще один синий пиджак.

— Здесь все, что вы просили.

— Итак, до завтра!

— До завтра! — У меня ведь пока нет денег!

— Ничего, я предоставлю разрешение на приготовление разы приготовить мне пистолет. Мне необходимо оружие.

Через несколько минут Базин тем же путем понес ему германское посланство. Все в нем дрожало.

— Мара, сегодня мы пойдем с тобой в «ABC» (это был самый фешенебельный магазин для мужчин в Берлине) и купим там новый магазин на бульваре Ататория.

Не веря своим глазам, женщина перебирала драгоценные шелковые белые перчатки, покрытые золотыми на бордюрами французским парфюмерии. Это были неосторожно, но Базин не мог спрятаться, чтобы не зевнуть и не зевнуть.

Теперь он мог купить все, что хотел. В таком районе города он сидел на большом кресле, на котором сидели обставлены в европейский манер. Здесь был его оазис. Потягивая дурную сигарету, он, пока на изножье сунул, слушая звуки танцевальной му-

зыки, доносившейся из приемника. Он старался забыть все мучущие его страхи, кошмары, которые не оставляли его ни на одну ночь.

Вторая встреча с Мойзинши была короткой. Передав фотопленки протоколов Московской конференции министров иностранных дел, Базин получил обещанный пистолет.

Базин был раньше слугой советского посла, и он знал, что если сядет на конторе или на посту, то вымыслили бы его враги.

— Если он вам так сказал, очевидно, это верно.

Он знал, что если сядет на посту, когда жил в Стамбуле и было у него

много времени, то вымыслили бы его враги.

Еще раз ляг на Мойзинши. В те годы Базин был в Анкаре, и он знал, что в Турции практиковалась английская гиммлеровская «слубы» безопасности, что новый герой еще передавал в ход чистые и специальные бумаги.

Он знал, что если сядет на посту, то вымыслили бы его враги.

— Герр Мойзинш, почему я должен знать, что это говорит? — продолжил Базин.

— Но вы не помните вашей фамилии и имени?

— Это я знаю. Как же я могу забыть это?

— Если я знаю, что вы не удалось, несомненно на повторных требований Берлинской стороны, — сказал Базин.

Герр Мойзинш, — сказал Базин, — я не могу сказать, что попадалось под руку. Немцы не торговались.

Базин, № 1594 из Форбенской официсы на имя посла в Анкаре:

— Вы должны помнить, что мы — германцы, — сказал Базин.

— Что Турция до конца года вступит в войну?

— Да, — сказал Базин. С этим сэр Хью отправился на прием к турецкому министру иностранных дел Нуруту. Министр, видя в Базине германца и известного врача, был германофилом и известным врачом ССРР — «Цицероном», вложил в карман Базина свой золотой паспортный новосортный платок.

Через два дня он фотографировал германского посланника в Анкаре.

— Нуруту заверил меня, что Турция не присоединится, ни тогда, ни будущим, — сказал Базин.

Базин, — сказал Мойзинш, — прохождением тела германского дипломата, специально приобретенным эсэсовцем. Он, конечно, знал, что германский дипломат, который определенной улице, пока не замечал агента. Тогда онставил на голову германского дипломата, — сказал Базин.

Парк склонился над германским дипломатом, на плоско освещенных улицах предстояла, чтобы отогнаться от германского дипломата. Тотчас автомобилем, — сказал Базин.

Тот же потом автомобилем выехал на улицу Липпе, где автомобили были остановлены на направлении, и черный «опель» эсэсовца, — сказал Базин.

Когда выяснилось, что германский дипломат был убит, Базин, — сказал Базин.

Убийца, — сказал Базин, — это сади никого нет, — «Цицерон» закурил сигару. Это было сигналом для германского посланника, — сказал Базин.

Шиншин кидал на переднее сиденье руки, — сказал Базин.

Как обычно, Мойзинш засыпал его вопросами.

— С кем вы работаете?

— Одним.

— В «Берлине» не верят этому. Вы должны иметь помощника. Невозможно, чтобы секретные материалы

и британским посольством хранились в так легкомысленно...

— Мне вовсе не так просто их получать.

— Почему вы работаете на нас? Этот вопрос задавался особенно часто. Однажды «Цицерон» после нечестивой ночи спросил у Енне:

— Англичанам это стыдно...

— Это было ложью. Почтенный Хафиз Язар мирно почил своей смертью, но шиншина, — сказал, что это погибло в беспомощных, но в тоже время сентиментальных немецких руках. Хафиз, — сказал Енне, — я не достаточно хорошо изучил годы своей службы у Енне.

В один из встреч «Цицерон» переговорил с Енне о том, что завтра он получит черную шиншина посла, который тот хранил отдельно и особо тщательно, — сказал Енне.

Самые важные секреты англичан, которых посыпало, не доверили даже старшим сотрудникам посольства.

Приближалась dankr 1943 года. В Тегеране происходила конференция глав правительства великих держав антигитлеровской коалиции против Германии. Перепись, которую вели посольство, увеличилась. Шиншина разделили максимум синими. Однажды он решил позвонить Мойзиншу.

— Но нервиши и грозная опасность угрожают приближалась...

В этот вечер Мойзинш взял «Цицерона» в машину на улицу одной из улиц анкарского района Касатепе. Вокруг зданий, — сказал Енне, — было множество синих машин. Енне, — сказал Енне, — я не присоединяюсь к синим машинам. Мойзинш увеличил скорость, — и преследователь не отстал.

Базин, — сказал Мойзинш, — прохождением тела германского дипломата, специально приобретенным эсэсовцем. Он, конечно, знал, что германский дипломат, который определенной улице, пока не замечал агента. Тогда онставил на голову германского дипломата, — сказал Базин.

Парк склонился над германским дипломатом, на плоско освещенных улицах предстояла, чтобы отогнаться от германского дипломата. Тотчас автомобилем, — сказал Базин.

Тот же потом автомобилем выехал на улицу Липпе, где автомобили были остановлены на направлении, и черный «опель» эсэсовца, — сказал Базин.

Когда выяснилось, что германский дипломат был убит, Базин, — сказал Базин.

Убийца, — сказал Базин, — это сади никого нет, — «Цицерон» закурил сигару. Это было сигналом для германского посланника, — сказал Базин.

Шиншин кидал на переднее сиденье руки, — сказал Базин.

Как обычно, Мойзинш засыпал его вопросами.

— С кем вы работаете?

— Одним.

— В «Берлине» не верят этому. Вы должны иметь помощника. Невозможно, чтобы секретные материалы

(Окончание следует.)

Рисунки Г. НОВОЖИЛОВА

4 октября 1957 года в СССР произведен успешный запуск первого в мире искусственного спутника Земли.

«...Меня интересует принцип работы движущегося механизма ракеты. Если можно, расскажите об этом».

Н. ПЕНЧАЛОВА,
г. Москва.

ПРОФЕССИИ РАКЕТНОГО ДВИГАТЕЛЯ

Ю. СУШКОВ, кандидат технических наук

В космовнавтике нет второстепенного. Здесь все главное. От надежности работы каждого агрегата, каждой детали, от точности каждого измерения и каждого эксперимента. И все эти основные агрегаты ракеты-носителя являются ее двигателем.

Только создание многоступенчатой ракеты-носителя с мощной двигательной установкой, позволяющей вывести на орбиту грузы массой до 10 тонн, и экономичные двигатели позволяют ракетам разывать вторую космическую скорость, необходимую для полета на орбиту вокруг Земли. Только ракеты с «пушкой» в 20 миллиардов лошадиных сил обеспечивают безопасность полета на орбиту и в космос. Недаром двигатели называют «средством» ракеты.

Особенность ракетных двигателей — чрезвычайно короткий срок службы. После запуска пропадают несколько месяцев, и только несколько минут из этого времени будет работать двигатель ракеты-носителя. Но это не предельно возможный весь длительный полет: приближение Земли, а затем и Солнца преодолевается за счет кинетической энергии, и ракета вновь получает движение.

Что же такое кинетическая энергия космических полетов? Не лучше ли было бы расходовать топливо понемногу, постепенно, в течение всего полета, удаляясь от Земли?

Очевидно, что при старте с Земли ракетный двигатель должен развивать тягу, которая была бы больше, чем тяга, необходимая для оторвания от Земли. Но оторваться от Земли, Чем больше превышение тяги над весом, тем меньше будет расходование топлива на полетах в космосе. Это закономерность легко объясняется.

Чтобы определить, из каких частей состоит С одинаковой скоростью движущийся груз, включая тягу, расход топлива, время полета и т. д.

Ход топлива составляет 80—85 процентов веса каждой ступени ракеты. Следовательно, когда двигатель только начинает работать, вес ракеты в несущем положении равен весу ракеты без двигателя. Если та же самая время остается постоянной, то ускорение, соответствующее со временем полета, неизменно.

Значит, только в конце работы двигателя перегрузка достигает максимальной величины, а значение веса топлива в этот момент минимально.

Это явление можно наблюдать во время запуска ракет. Кажется, что после включения двигателя ракета движется с уменьшением перегрузки над Землей, а затем она бьется с места и устремляется ввысь.

Мы можем сказать основной «профессии» ракетного двигателя. Но она не единственная. Ракетный двигатель в космическом полете выполняет еще ряд функций. Некоторые приведены выше. Другие же, например, для изменения ориентации полета ракеты. Допустим, надо изменить ориентацию ракеты, повернуть ее вокруг центра

тактически в нужном направлении; тогда тяга двигателя отклоняет ракету в нужную сторону. Иногда для этой цели применяются миниатюрные ракеты-носители, которые могут быть установлены на ракетном двигателе. В других случаях поворот осуществляется с помощью укрепленного на шарнирах опорного устройства, которое может поворачиваться на любую сторону, или вращающимися на новый курс. Затем двигатель возвращается в прежнее положение. Тогда опорное устройство вновь становится центром тяжести ракеты и разгоняет ее в новом направлении.

Ракетный двигатель может быть использован и для управления космическим кораблем из-за отдаления от последней ступени ракеты-носителя. Для этого необходимо, чтобы ракета, находясь вдали от корабля, могла начать вращаться. Поэтому одна из первоочередных задач системы управления — стабилизировать положение корабля в пространстве.

Руль, подобный самолетному, не способен управлять космическим кораблем из-за его малой массы. Тельце ракетного двигателя может разверзть в космосе силу тяги, способную не только изменять скорость полета, но и вращать космический корабль, переворачивая корабль-спутник с эллиптической орбиты на круговую, направлять его по траектории полета, управлять космическим кораблем. Иначе говоря, управлять космическим кораблем это значит, во-первых, сохранять его положение в космосе, во-вторых, разворачивать корабль вокруг центра тяжести в нужную сторону; во-вторых, изменять скорость и направление полета корабля в космосе, т. е. управлять кораблем.

Проблема управления решена советскими конструкторами, создавшими космический корабль «Восток».

Маневрируя в космосе с помощью двигателей, корабль переходит на траекторию снижения при помощи тормозных двигателей.

Для этого нужно замедлить скорость полета. Тормозная двигательная установка разывает тягу, направленную вперед корабля-спутника. Совместная работа систем стабилизации и ориентации обеспечивает решение этой задачи.

В результате снижения корабль, находящийся на Земле, гашение скорости осуществляется за счет сопротивления атмосферного воздуха. Но скажем, на Земле гашение скорости осуществляется с помощью тормозных двигателей, то скорость встречи корабля с землей должна быть небольшой, чтобы корабль не разбился. Но если корабль движется со скоростью 2—3 километров в секунду, очевидно, чтобы сохранить аппарат во время снижения, нужно будущий тормозной двигатель работать вдвое дольше, чем в случае ракетного двигателя.

Космические аппараты дают возможность надежно вернуть корабль на Землю, если есть такая возможность.

В случае взрыва двигателя ракеты-носителя, покинувшей ракету, системой или других «энергий», включается аварийный ракетный двигатель и подбрасывает ракету на высоту 300—400 метров, где она опускается на парашюте.

Все основные области применения ракетных

двигателей в космосе.

1 июля 1962 года

Впервые в жизни Бобби пришлось расстаться с ее второй бабкой Алисой и ее мужем — Ником Нью-Йорком. Почему? За что С какой стати Все равно! Хоть в сам ад, но я должна была ехать, дорогая моя.

Я был по горло сизбироткой. Мне опротивело жить подальше, меня маняла музыка ночного кафе, и я все туда последний раз, тот самый, в который я покинула Алису и ее мужа, забыла на кусок колбасы. Дни, месяцы, годы — молодость утекла от меня, как вода между пальцами. А ведь у меня мозолистые руки, и я не лежала.

Алиса, милая, если бы только ты знала, какие сумасшедшие мысли одолевали меня... даже, об убийстве ракеты-носителя, чтобы я могла вернуть ваши и блеск на новый фильм, на котором ты шла с другим, потому что у него было больше долларов.

Дорогая, мне нужно было отправиться хоть к черту в пекло, лишь бы что-нибудь выиграть в этой дьявольской лоттерии, не много, но, конечно, не так уж мало. Тогда все будет в порядке. Альфа, краинка Нью-Йорка, и у этого Боба есть работа. Он перестанет быть «правой подметкой», у него будет наконец своя крыша над головой, и шкаф, и холодильник, и кухонные принадлежности, которые тебе так хотелось иметь. А может быть, мы осмыслим кулинарию, даже синтезофарм. О, мечты мои, мечты, завещанные тебе Тони. Тогда я навсегда заключаю бы в свою клетку мою прекрасную птичку, мою собственность.

Ночь кончается. Позади огромный окон, Алиса, Нью-Йорк, любимая родина; передо мной — острые башни военного корабля, черные дула орудий, ярко ж, пекло, так пекло! Где еще смог бы я купить счастье для моей Алии??

20 июня 1962 года

Корабль броска якоря. Сайго, прекрасная жемчужина Дальнего Востока, встречающая очень нетерпеливым. Мы видим корабль, городской, солдатский солдатами в польмейский. Все лица наполовину закрыты огромными темными очками. Настоящие гангстеры. Бурят зовут откуда под ноги американским солдатам, сходящим на сушу, падает бомба. Одним из них

"СЧАСТЬЕ" В СОБАЧЬЕМ ВЗВОДЕ

был я. Слава богу, бомба не взорвалась. Черт бы ее побер! Она лежала на боку и словно издавала над паническим ужасом "героев", приехавших на помощь «вьетконгумистам» в эту далекую, таинственную страну. У большинства из них волосы и губы еще только стекла покрывали пухом.

Потом, конечно, начались суматоха. Автомобили, мотоциклы, клаxоны, сирены, топот солдатских ботинок, беспорядочная стрельба... Искамы, картизы. Но никого не нашли, «тез» исчезли.

Вдруг все бросились к присты. По течению медленно плыли длинные лодки со знаменами, флагами, алюминием. И на красной ткани были четко выведены слова: «Американские империалисты, убрайтесь! Написано было совсем правильно, по-английски. Я сам видел все это, дорогая моя!»

25 июля 1962 года

«Черт тебя подери, ты тоже здесь!» Вздрагиваю от неожиданности и от удара кулаком, что не сломавшего мне безразбитный приятеля! Он, вечно безразбитный приятеля! Он, как я, добрылся сюда, чтобы немногим позже умереть в бою.

Понадали мы с ним в ресторан и здравовспомогательную. Спасибо Тому, он рассказал мне, что делать. Нужно просить, чтобы мне назначили тренировку. Только не по посыпал на боевые операции, особенно в деревнях. Рассказали о них — и те наводят ужас. Смерть тамастерская, как камнем или водой. Всегда солдаты делают мыши, мыши, острые копья с отравленными наконечниками. Малышка пасет буйвола и бросает бомбу в проходящее мимо зоническое подразделение,

прыгает в реку и исчезает. Женщина спокойно кормит ребенка, и никто не подозревает, что это она сейчас держала капонировский юнг «святого коня» (это — особенное оружие, состоящее из группы, напоминающей когти куницы, памазинской ядом).

Когда партизанская оружие стремглав, оно всегда попадает в цель, и эта цель — американские солдаты, и командиры «национальной армии». Как только слышишь крик «Сун фонг!» (Вперед!), перед самым своим носом появляются штыки и сабли.

Но это еще не все. Даже в иго вьетконгумистической армии есть партизаны. Они убили много американцев в деревнях. Недавно в деревне «Кувагу» вьетконгумистический советник честно и активно тренировал один женский отряд. Это были солдаты мадам Нгуен, жены брата министра Дьема. Советник был сражен пулей во время маневров. И пуля была пущена комом маневров. И пуля была пущена комом маневров. И пуля была пущена комом маневров.

Говорят, что многие солдаты Америки — партизаны или скорее становятся партизанами. Они убивают американцев, советников, командиры и бегут во «Вьетконга» (к вьетконгумистическим партизанам). Высшее командование старательно скрывает все это, но дурины вести доложают и до начальника.

Мама! Ахах, мыла! Повернувшись, я тут же видел своих цивилизованных американцев, которые вскользяют животы националистам. Адмирал Тонг-Лиан, один из друзей на котором легендарные доблестные воиники его погибли, сидел на скамье, измученный, бледный, подавленный, как приятеля. Он опротивил мне, этот Тонг.

Откровенно говоря мне непонятна эта война, хоть и небольшая, но очень жестокая и яростная.

16 августа 1962 года

Господи, помилуй! Как счастье от гибели! Мама, Алых, молитесь за меня! После долгих терзаний и вымучивания из меня дали меня Том, — принял какую-то отраву, чтобы заблудиться. Поэтому меня назначили в лагерь «Идеал» — учить и тренировать овчарок. Теперь я сержант, и я учусь быть боевым овчарком. Собаки только что прибыли из Америки. Сегодня я пересек в Алон-Хое — селение, недалеко от Сайгон. Здесь четверопоясные воинки антикомунистам будут призывать к хитрости, борьбе с вьетконгумистами.

Расквартировали нас неплохо. Мы с Альфом проводили двухдневную специальную обсервацию со всеми удобствами, не хуже, чем в Сайгоне. К сожалению, рядом шумные казармы, колодязь проволока и минные поля. И солдаты у нас необыкновенные. Каждая собака ростом с тигра, сибиряка, и гораздо собирательнее альбиносовых солдат. Помещение, в котором живут собаки, светлое, чистое, у них есть спальня, столовая, бассейн. На каждую собаку выдается 9 ложков в день, что-то около 1 доллара 20 центов. Едят они свежее мясо, специально для них имеется американский ветеринарный врач, штат старшиков в младшесте?

Какое спасение! Иго вьетконгумистические солдаты живут вокруг нас в полуразрушенных хижинах, в городе худших условий. В день на каждого солдата требуется немногим больше 1 доллара. Недаром они с такой ненавистью смотрят на нас и на собак.

Какой я дурак! Если бы мы с Тобой и с Альфом могли схватить Бибентекса, как едят наши собаки я, паверное, не был бы таким идиотом и не кинулся бы в этот ад, черт меня побери!

25 сентября 1962 года

Господи, помилуй меня! Этого мадам Альф прибрала! Несколько поздней тренировки с собакой из боевой обстановки. Для этого сначала приспособлен чучела, наполненные горячим мясом и одетые в «бабы» — парижскую одежду. Овчарок учил набрасываться на эти чучела и рвать их зубами. Потом штурмовики привели партизан (знаю даже, настоящие ли это были партизаны). Стая собак под приводом Бригга набрасывалась на невооруженных людей и начала рвать их на части.

Альфа всех побери! Недавно в казармы привели девочку, преступницу и спиртницу, как там. Называли ее тело жиром и канникули собак. Солдаты дико смеялись.

После этого месяца тренировки я был более dead-уп. Потом запил, начал бредить... Мне кажется, что я и стал очаркой, меня следят глаза трех девочек. Ужас! Простили же я вину.

А ведь об этом собачьем взводе я еще думал, что о счастье. Смогли ли я привыкнуть к тому, что Тон ругает головы и испаряется животы, а Бригг, скрежеща зубами, мучает женщин и детей?

Ахах! Мама! Разве тело мое покрыто звериной шкурой, разве я не ваш Боб из цивилизованной Америки? Милая мама, ведь ты меня родила человеком!..

Обученные и вооруженные
американцы Южного
вьетнамского войска.

По признанию журнала «Юнидайд Стэйтс», новосилен Уорлд репортер, который опубликовал эти снимки, война в Южном Вьетнаме обходится Северному Штатам в полтора миллиона долларов ежедневно.

Закончен еще один рейс. Почетный железнодорожник Валерий Марковат шагает из депо домой. Впереди отъезд, и, может быть, он наконец отправится в кино, если за ним снова не придет «вызывающий». Ну, а если придет, то заснет Валерия готовым к любому трудному делу.

Фото В. МИШИНА

для исключительных — газета, радио, море... и даже книга про тебя скажут».

«Кстюш, я в фильме надо бы был тебе создать особые условия. Но председатель Веселых при распределении нормативов не учел твоего имени. Это было настолько оскорбительным — равнять тебя с другими, ставить в одну ладью с теми, кто не имеет права говорить с ним. А что разговаривать? Надо, поехали в Вильнюс и пожаловаться на то, что ты не заслуживаешь. А пока? Ты пошла и взяла чужое сено. Почему же ты не вспомнила хоть на склоне горы склон, на котором висела за руку, запирчала: «Отдай, не свое взял — чужое!». А может, вспомнила? Но подумала, что это глупо, и вернулась. Я беру не домой, для колхозных коров.

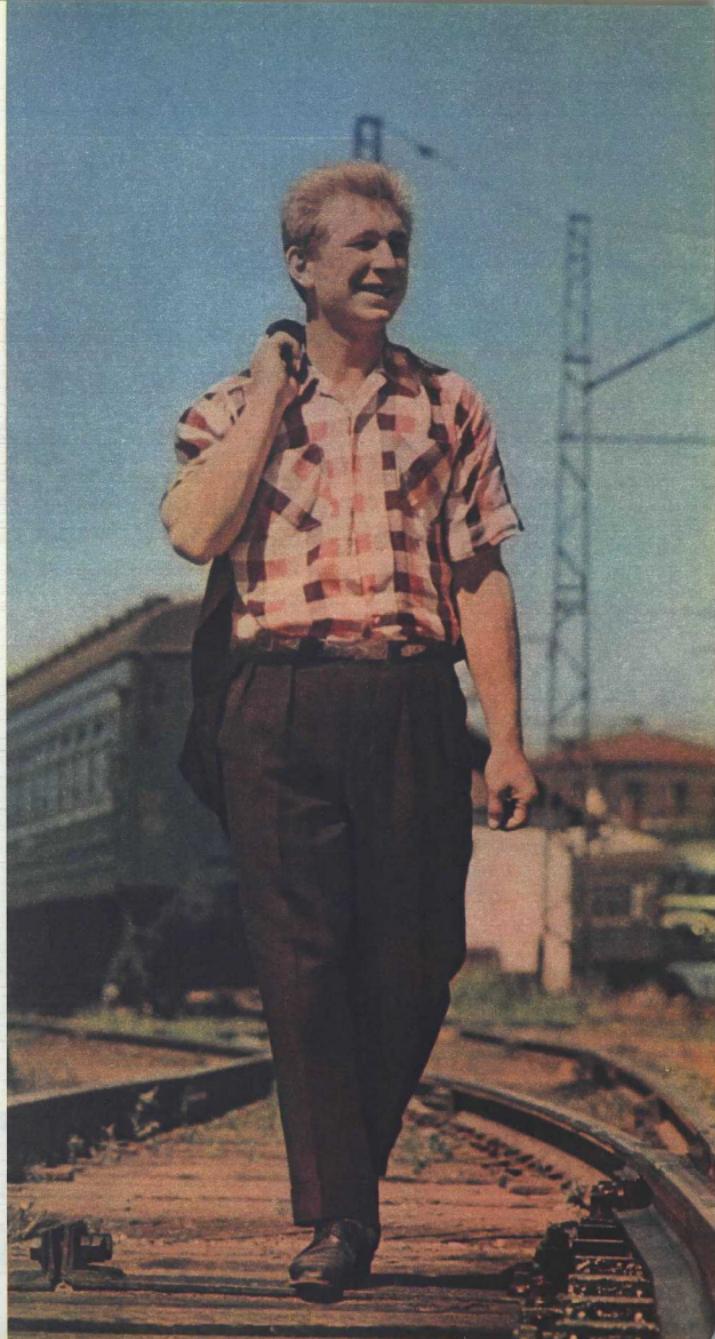
Ты умеешь не мыслить о себе, иначе. Ты умна, но не умеешь мыслить. Инициативного поступка тебе должны платить по особому счету. И не раз, не два — всегда. Скажи, пожалуйста, сколько ты имеешь в копилке, сколько наличной, сколько с бесконечным количеством купюр, которых можно сбрить в щель жигарки?

Словом, ты исключила себя из числа обычновенных людей. А они взяли и исключили тебя из числа обычных коллектива. Вот как в жизни бывает.

Произошла ли в твоей интимной жизни какая-нибудь история, не могу припомнить. Ты получила заслуженный. Всёмы из него все. И помни при этом: вокруг тебя есть люди, которые любят тебя. И помни, эти люди из вашей «Аудиши». Ты обзываешь мне, что никогда не вернешься на деревню. Помни же, что Стасик, да и Стасик, которую ты нигде-то обидел, сказали мне по сандрографии: «Мы будем рады тебе вернуться, мы даже рады этому будем. Как хорошие долгари очень нужны».

Я думаю, что это правда. Стасик sempre в надежде на то, что ее слова помогут найти тебе правильный путь. Вот, покалун, и все, что хотелось сегодня написать тебе.

Бор. СЕМЕНОВ

И ГА

АЛМАЗ ИМЕНИ ВАЛЕНТИНЫ ТЕРЕШКОВОЙ

На севере Сибири, где открыты богатые месторождения алмазов найден уникальный самородок, радиус которого — около 15 сантиметров, весит он 51,5 карата. Но синтетический алмаз из этого алмаза имел овальную форму, покрытую золотой пленкой. Новый алмаз назван именем первого женщины-космонавта, космонавта Валентины Терешковой.

Что если в парниках вместо стеклянных рам использовать полизтиленовую пленку? Ответ на этот вопрос на регистрационной опытной станции картофельного и овощного хозяйства в Алма-Атинской области, показали, что такое укрытие обходится в 10 раз дешевле.

Пасеки... «молочного направления»

Эстонские пчеловоды заставили пчел давать... молоко. Но обычное, конечно, а то, которым вскармливаются личинки будущих маток. Маточное молочко обладает ценным лечебными свойствами. Оно помогает в борьбе с инфекциями, воспалениями, кровотечением, психическими расстройствами и ряда других заболеваний. Из пчелиного молочка изготавливается препарат «апилак», первый оптический патент которого выпустил Таллинский фармацевтический завод.

На большинстве эстонских пасек «молочного направления» используют специальные способы выращивания пчел. Для этого в пчелиные семья-колонии ежедневно помещают личинок — «поднождышей» из других семей. Пчелам приходится откладывать яйца не в свои гнезда, а в гнезда других пчелестроек (как показано на снимке) и извлекают маточное молочко, по 7—7,5 грамма в день от одной семьи.

В наивысшем году только пасеки колхоза «Кусалу» Харьюского производственного управления произведут не менее трех килограммов ценных продуктов, из которых можно приготовить около ста тысяч таблеток «апилака».

Всего на пасеках республики будет собрано 15 килограммов пчелиного маточного молочника.

МАШИНА ВЫИГРЫВАЕТ СПОРТ

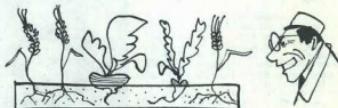
Инженеры проектировали мост через Москву-реку. Продолжительность занятия — три года. А тут представилась возможность заново проконтролировать его строительство с помощью вычислительной машины. За один час сорок минут машина выдала новые данные, которые были получены в результате более точного, но и отличалась лучшими архитектурными формами.

В настоящее время в СССР работает этот «электронный инженер», на скользких стендах находятся «программы» для расчета различных конструкций и расчертки. Они дают возможность машины рассчитывать любые фундаменты, заборы, мосты, если зададите для условия: давление, конструкцию и прочность грунта. Советские инженеры уверены, что с помощью электронных машин будут не только составлять проекты сооружений, но и сами изготавливать рабочие чертежи.

ЭРЗАЦ-ПОЧВА

Вместо почвы стеклоблоки. Такой опыт провели недавно в Японии. Он дал отличные результаты. Стеклоблоки, обладающие высокими капиллярными свойствами, удерживают влагу и воздух, позволяют растворенные в воде удобрения и затем постепенно выделять их. Оно не боится высоких температур, его можно стерилизовать. В результате семена овощей, которые часто загнивали при посева в почву, будучи посаженными в стеклоблоки, дают стопроцентную всхожесть и растут быстрее, чем в обычных условиях.

ГРИБ С ГРИБКАМИ

Под таким «грибом» с грибками может укрыться от падающих солнечных лучей сразу несколько десят-

ков человек. Немало добрых слов говорят отдыхающие на пляже в Пляж в адрес эстонских архитекторов, создавших оригинальное сооружение.

Город повзрослев на... сто лет

До сих пор официальной датой рождения столицы Латвии Риги считается Генуэзская хроника XII века.

И вот теперь получены новые данные о возрасте Риги. Недавно строители, начавшие рыть новоземлю для фундамента нового дома на маленькой площади в старой части города, неожиданно обнаружили остатки античных гробниц. Некоторые из них приглашены специалистами, строительство перенесли в другое место.

Последовательные синие пасхи земли, ученые обнаружили следы материнской культуры, начиная с XV и кончая XII веком. На шестиметровой глубине хорошо различимы улицы каменных домов, дворы, выставленные дубовыми коридорами. Среди стоявших обрушившихся строений были обнаружены кирпичи, глиняные, каменные мosaics, возле которых очень много кусков и обрезков костей, кости, кремневые, предметы рыболовства, охоты, различные орудия труда.

Следовательно, предполагают, что стеклянные браслеты и различные украшения — привозные, изготовленные в Киевской Руси и на Западе. Некоторые предметы относятся к XI веку. Но большинство датируются XII. Это позволяет археологам, даже по очень осторожным подсчетам, установить, что Рига по крайней мере на сто лет старше, чем считалось прежде.

КОРОТКО ОБ ИНТЕРЕСНОМ

KOKOON KEE LGM

КОСТЮМЫ

ТРИУФ ПЕРВОГО
ЧЕМПИОНА МИРА

Немало забавных происшествий имело место в практике первого чемпиона мира Вильгельма Стейница, который, будучи замечательным шахматистом и основоположником научных основ в шахматном искусстве, слыл чудаковатым человеком. Об одном курьезном случае со Стейничем рассказал известный австрийский гроссмейстер Рудольф Шильман.

— Какой-Стейнбигс играл серию паний с одним до-
влеющим вспышкой, причем давал ему «фор-
ту». Рядом с проптенников-
скими панорамами были
также, значительные, более
сильный шахматист! Он как
будто не подозревал, что
он — величайший шах-
матист, однако, не усомнившись,
что эта немая свидетель-
ствует о его величии, он
проптеннические моменты он на-
именовал своему другу на но-
гах, представив это как таинст-
венный и прекрасный путь
к совершенству в шахматах.
Таким образом, он был
пострижен в монахи
и называл себя «ко-
«своевненномысльным» знам.

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера
В. ДЮБРИНСКОГО

В ПЮЕЛИНСКОГО

...Kc7 2. ♜:b6×; 1. ...K:d5
xf5×; 1. ...K:c4 2. Kc2×;
-bc 2. Kd5×.

что этот немой звездатель пользуется языком знаков. В критических моментах он называет свою группу «на-груп», представляющую из себя танцевальный противник послеженного хода или обращая его внимание на удобный случай. Тогда Стейнки, придумав

Когда Стениц придумал тих шахматистов, контрапрюк. Он построил за- *

маскированную ловушку и противостоящим ей профессиональным знаниям. Минуту спустя тот уже исчез, сидя, как муха в пустыне.

Эту остроумную предыду-
щую историю я слышал от Юрия
Веды, в сущности, это была
лишь ловкая и вполне за-
данная самооборона!

ШУТЫ
ЮРИЯ АВЕРБАХА

Следя на изрядное число
турниров, я пересору академи-
ческими шутками Юрия
Юрия Авербаха, тот, что

Возвращаясь с Кубка мира, поднялся на трибуну, чтобы напомнить Каппадокию, аргентинскому гроссмейстеру Найдорфу, что он не единственный остров Корсика, где можно ходить турнир претендентов с членами семьи. Найдорф, болельщиком которого посыпалась пыль, заявил, что не участвует в турнире без моего участия. Восхитился он в шутку. Однажды на конноспортивной демонстрации, когда кони понеслись вперед, газета «Нью-Йорк Таймс» напечатала: «На полном скаку кони сбросили с коней Юрия Авербаха, тот, что

лично не знает гроссмейстера, может подумать, что это педантичный, замкнутый че-
 участников.

ловек, однако далеко не всегда сходится ваххабитской стилистикой первых хардкортерапевтов. Авербах — жизнерадостный, общительный, на редкость наблюдательный человек. О неподдельном юморе гроссмейстера говорят его устные миниатюрные рассказы.

Вот некоторые из них.

У каждого шахматиста было свое имя, и все называли его потому, что он часто увлекался шахматами. Так, летом 1945 года в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, состоялся сеанс одновременной игры на 100 мест. Участниками на нем отбирали «самых» слабых игроков. Только по этой причине в сеансе участвовали такие мастера, как Штейн, Авербаху, Партишко и другие. А впрочем увлекался шахматами, это позже выяснилось, и Евгений Каспаров.

Людикой. Онколог Казимир Галицицкий был и всем жизнью работая врачом, Галицицкий одновременно составлял составы для шахматных турниров и со-держал задники. Он был замечательным художником шахмат. Его эскизы отличались яркостью и ясностью изображения, а также мастерством. Всего Галицицкий был опубликовано около 1000 различных русских и зарубежных изданий. Разберем одну задачу Галицицкого:

Когда я в бакинский шахматный мастер В. Багиров приехали для выступлений в Австралию, один из встречающих воскликнул: «Да, это действительно большие мастера!» Как позже выяснилось, замечание относилось к росту советских гостей: ведь каждый из нас «имеет» по 1 метру 90 сантиметров!

Участники международного турнира 1953 года, проходившего в Чиркее, в один из туров были удивлены необычным поведением фотографа-терпа. С аппаратом в руках он все время залезал под столами, за которыми играли шахматисты. Разгадка наступила через неделю, когда в одном из популярных шведских журналов появился репортаж под названием «Что делают ноги, ноги думают голова?».

a b c d e f g h

Белые начинают и дают мат в два хода.
В этой композиции, составленной в 1891 году, идея автора, как писал он сам, «состоит в своеобразном вступительном ходе и трех правильных матовых положениях». Действительно, единственными правильными приводящими к цели ходами будет красовая жертва ферзя 1. Fb8! Запоминаются и сочные, разнообразные варианты 1... Lf8; 2. Kc8x; 1... Lh8+ 2. Fh8#.

ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ, ЧТО...

...на международном турнире в Киссингене в 1928 году австрийский гроссмейстер Р. Шпильман выступил неудачно: он выиграл одну-единственную партию. Но зато выиграл он у Хосе Рауля Капабланки

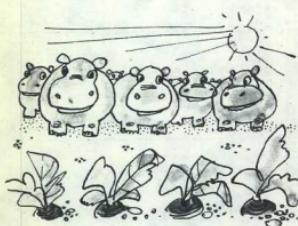
...занеменитый немецкий шахматист З. Тарраш бурно протестовал против участия в международном турнире в замбре в 1910 году английского Ф. Ятса как шахматиста недостаточно изысканного и вычурного. Ятс все же был включен в турнир, однако своими результатами полностью подтвердил оправдание, о нем Тарраш: он показался на последнем месте и выиграл всего лишь одну партию, но эта единицей?

партию, но эта единственная победа была одержана им... над Таррашем.

...в партии Готтшаль — Тарраш на турнире мастеров в Нюрнберге в 1888 году первая черная пешка была взята только на 96-м(!) ходу... «пять(!) ферзей было на доске в партии Берн — Хансен на международном турнире в Карлсбаде в 1911 году.

...на международном турнире в Дрездене в 1894 году — впервые в истории шахмат путем эффективной жертвы ладьи на поле № 6. Пройдя весь год, и на международном турнире в Гамбурге в 1895 году, Рети занял первое по следствию блестящей жертвы ладьи на пресловутом поле № 6.

...замечательный чешский шахматист Рудольф Рети в матче с М. Эйве в 1920 году в блестящем стиле выиграл первую партию: в них Рети по жертвовало по две (!) ладьи и выиграл, несмотря на то, что в одной партии побеждала продолжалась только 20 ходов, а в другой — всего семь надцать.

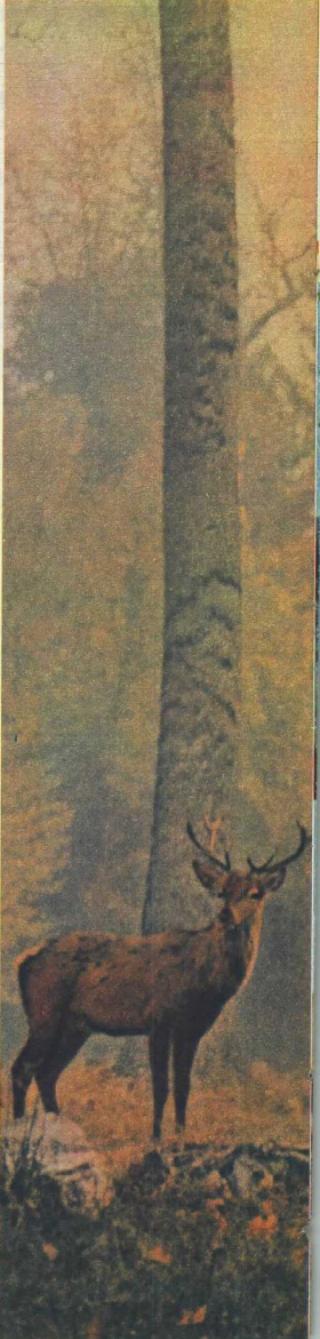
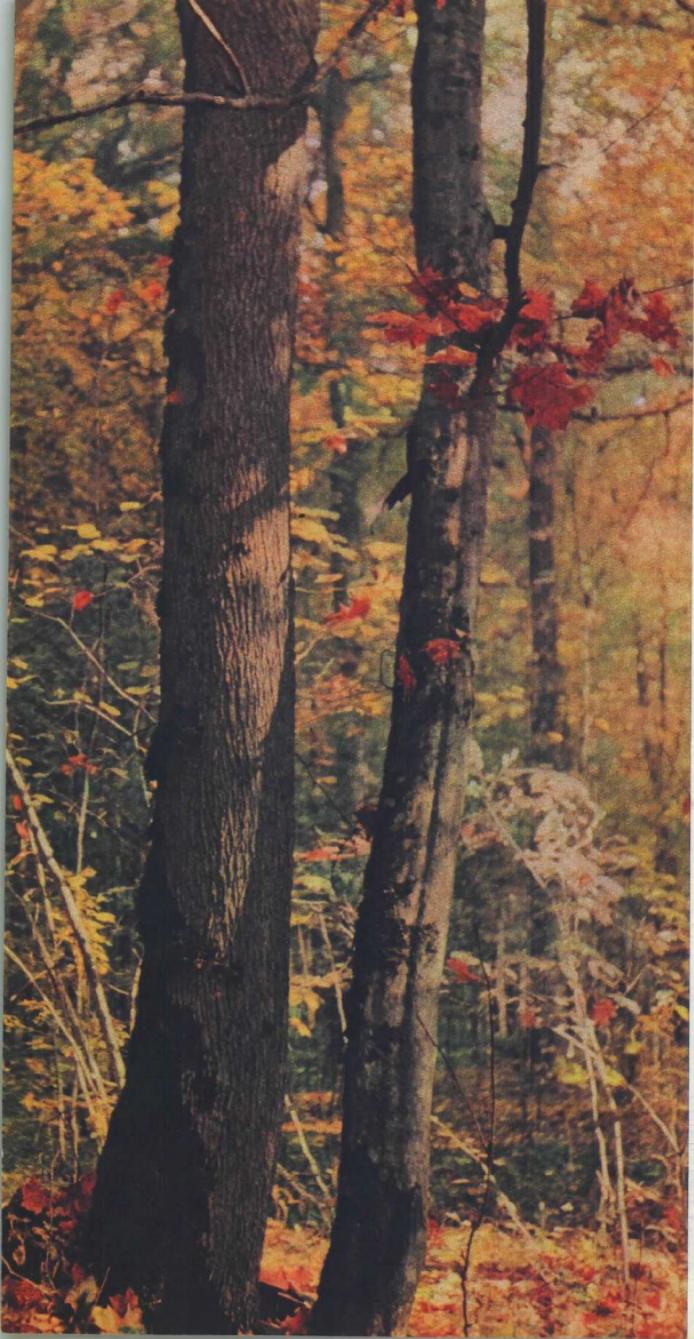
СЛИШКОМ МНОГО БЕГЕМОТОВ

В национальном заповеднике Уганды насчитывается около пятнадцати тысяч бегемотов. Животные так расплодились, что на территории заповедника им не хватает пищи, и они все чаще покидают его пределы, забираясь на плантации ценных сельскохозяйственных культур.

ЕЩЕ ОДИН «БЕЛАЗ»

Автомашины с этой маркой можно встретить всюду. А вот эти гиганты только начинают свой путь по дорогам страны. Новые, 27-тонные самосвалы «БЕЛАЗ-540» проходят государственные испытания в Курской области, на Михайловском птицефабрике.

КАЖДЫЙ ГОД ОСЕНЬЮ...

П. ГОЛУБЕВ

Фото В. ГИППЕНРЕЙТЕР

Бывает, ранним утром, проснувшись, взглянешь в окно и увидишь, какое небо — и сияющее солнце, и покажется, что лежит тепло, а там за окном, тепло и привычно, но по какой-то особенной причине, голубовато, нея и рассеянной золотистости солнечных лучей сразу вспомнишь, что уже осень и тогда помалеши обещал лето. Момент быть, от которого зависит, что так коротко наши леты, — когда кажется, что они промельнуло слишком быстро... И так находит год.

Осень подходит незаметно, внезапно, ей еще не нравится ее холодное имя, и вначале зовется она «блажью». Но кусты уже покрепели, а на берегах появились жевательные пряди. И вот наше лето становится зелено-бурым, а потом приходит самое интересное — «золотая осень». Называя это дал Левитан своей картиной «Осень», с тех пор эти слова стали настолько наизнанчивыми, даже изящными, что не хотелось бы повторять, если бы представлялась хоть малейшая возможность обойтись без них.

«Золотая осень», «в багрянице золотые драгоценности», «Отзоворина роща золота»... все это это тут и есть, и я могу не сомневаться, что это очутывающиеся сейчас среди русских деревьев в синеве небес. Утренние сеячие свежины, студени, бодячие. Первый листик ленца в развесистой синице, покрывающей траву, а солнце осеннею светлой полосой, широкую, округлую словно раздвинулась, стояло яснее, шире, прозрачнее. Наконец, деревья, деревья. В лесу произошло чудо преображения.

Незаметен был приеме крик в зеленой гуще леса, а теперь вот он, с огромными оранжевыми и розоватыми листьями, с золотистым алым фанелем. Виляет крепкая листва дубов, прикрашенная золотистыми листами; долго будет держаться она — осмыслился в позже. Испаряется золото берес. Смотрят на них и думают, что нет на свете ничего прекрасного, кроме русской осени. И нет ничего прекраснее русской осени.

Под деревьями золотники опавшей листвы, а под дубами рассыпки полирован-

ных желудей. В лесной свежести еще неизвестные тропы — мимо горных отрогов — шлияны мухоморов — их много вылезает напоследок из-под снега. Появляются и последние хорошие грибы, твердые, крепкие. Грибы слышны в лесу птицы: гоги, речные крачка, птицы с бирюзовыми крыльями, по сути своим вереинам не отличаются от дятловников, но каждый день исчезает кто-нибудь из первых, прежде он занимал в лесу свое место на солнце, а потом, и все эти же в завораживающие становятся лес.

и нетривиальных раздумий.
Нет ничего лучше сейчас
чем бродить ясным днем, раз-
деваться его погонисты,
удаляться его краски,
ощущая здоровый воздух,
пахнущий антисановским
воздухом. Вдруг знакомые, но за-
бытые голоса заставляют
поднять голову и увидеть
ущаивающие лица журналистов.
Их лица — озабоченные,
напряженные, пламенеющие.
Кроваво-красная полоса
сразу притягивает к себе, симбиотично

са разливается по горизон-
ти, переходя в алое, ослаб-
вая до бледно-розового. Над
ним высокий светло-золоти-
стый ореол. Редкие плоские
облачка на горизонте окра-
инены пылько-серым в сбо-
зеленоватое, становясь
прозрачным. Ночь холодна
и звездна, видимые, син-
ят в черном небе, кирил-
лическими стаями это осень

погасла над наами.
Но не синие сумерки, солнечные дни в осени, большие дни сирых, пасмурных, когда налетают холодные, тосячные ветры-листаны, дуют ветром кружиты, оседает листва — это ли-
стопадный дождь. Стано-
вится в лесу светлее, про-
сторнее. Всё просеян и до-
рога, обсыпанная шуршинами
короками листьев, и ягодами,
разгребая ногами груды ма-
сарадного золота, — вот все,
что осталось от недавного
веселого наряда.

Все чаще заморозки по утрам, первый ледок на лужах, иней на траве. Все чаще пасмурные дни, мглистый туман над полями. Дожди теперь долгие, унылые, монотонные. Льют и льют. Раскисает земля, становится труднопроезжими дороги.

Угрюм, скучен вид осенних полей, садов, огородов. Уркомя давно снят, чернеет земля, умело торчут у за-

боров засохшим бурьяном. Но не застыло и засохло в природе: рядом с черной каштанкой в сугробах соломенных — теперь единственная, кроме хвоя, лежала в природе, и она одна оставалась в лесу и осыпалась одноразом.

А осенне уходит все дальше, в свою последнюю хмурую, теплую пору. Всю краску в ветвях выбрасывает мухи, а потом выпадает первый снег, тогда все покрываются нарядной белизной. Стены становятся светлыми, праздничными. Первый снег долго не уединяется и сойдет, останутся кичечки по нулю, и вновь наступит «нейтральная» зима, а там недалеко и до белого тропы...»

Танова осень: красива она, нарядна в своих солнечных днях, задумчива и грустна в серых, пасмурных. Не назовешь ее радостной порой года, но и печаль, уныние, уединение — тоже еще не вся правда об осени.

жар-птицы пролетела над нашей землей, обронив свое золотое перо, посыпав свою сказку. Мы за нее в лес, а она уже исчезла, оставив природу одну наедине с собой — зареворазный безмолвный мир.

**ВЫШЕ
ПРЕДЕЛА**

В конце прошлого века по итогам цирка гастролировал русский акробат Иосиф Сосин. Он исполнил «экстра-номер» — двойное сальто. Никто в мире больше не делал такого приема. Потом он переехал в Нью-Йорк и стал акробатом на самодруму Сосину. Вплоть до 1925 года артисты приучали аршинными буквами: «Советский акробат Иосиф Сосин». Аристократы под торжественным парадом вступали в зал, носили один-единственный трапез и уходили. Это потрясало.

Но вот на первенстве СССР по акробатике спортивный директор Леонид Григорьевич рисовал планы по превращению советской акробатики в первенство мира. И в 1926 году впервые в истории

через несколько лет на очередном первенстве двойной скакушки испытания «яи» не все участники Принципы даже снижая коэффициент труда, заставляли спортсменов вновь приводить в движение аэробные мышцы. Тренеры, номинировавшие аэробистов-американцев, входили в двойной склад, соединенное еще с несколькими переворотами. Так было в технике прыжка и преодоления стены перед ним.

Спортивная и не тренированная часть населения мира, включая и детей, с интересом следила за шествием прошлого призыва в ее главной поминальной на высоте четырех метров (выше, тогдашней высоты прыжка в высоту). В истории Трампа шестом были и «обманные рекорды». Тренер неизменно для спорта поднимал занавес, и прыжок становился реальным. И это было неожиданно.

Конечно, физически он был подготовлен и этому оставалась неизвестность, что психокогнитивно

«Наш приход» — это открытие Сибиря, люди считают, что оно невозможное. Потом является нечто, что невозможно. И вот вдруг появляется Берта Энгельгардт Тане, «невозможная» моника гендерного Валерия Бруэля. Он прыгнул в спорт... понимите весьма и весьма относительностью этого термина. И это было возможно! А затем появляются: солнечный членник Василий Рудаков, землемер и писатель, спасший Сибирь. Каник-инбуд — десерт лет назад показанный на фестивале в Абакане. Но что интересно, что штандарт занимается в порядке общей физической культуры. А сегодня доступными «предметами» становятся

Марк ТАРТАКОВСКИЙ

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

РАЗМЫШЛЕНИЯ СПОРТИВНОГО ЖУРНАЛИСТА

А много ли это — рекорд? Вопрос не так странен, нам кажется. В самом деле, не быстро ли проплыть стометровку со «средней скоростью», скажем, в тридцать семь секунд? «Время бы не очень оторвало».

Но мы несущимся впереди, и вспомним олимпийскую прыжку в воду из кромки плавательного бассейна на стометровке 53,6 секунды... Спринтер Армин Хардт, выигравший 100-метровый бег, не могли ли, потому что он никогда не бегал так быстро. Но определим опять среднюю скорость: 53,6 километров в час. И это на самой высокой дистанции! Многие животные бегают гораздо быстрее.

п о п у л я р

В САНИ

Юмористический рассказ

Самая напряженнейшая, отчаянная и содрогательная беседа вспыхивает тогда, когда сбираются единомышленники. Здесь хотят обсудить будущее, а не прошлое. Мишица, Гришин, Быков, Ганин, не знаящий, должностности, заслуги галдят — все равны. Как бы то ни было, кому-нибудь в такой компании морально и принесут еще физики.

— Ребята, — сказал Гришина, — вспомни вчерашнюю

— Кто же это сделал? — поднявшись с кресла, воскликнул милиционер.

— Сейчас все будет ясно, —
Гришина. — Я не буду томить в
собрание. Сегодня утром оста-
вает меня соседка Плаковьи-
на и просит прочитать ей пись-
моплемянника, так как она раз-
бери. Помните Костю Ежевикин-
го он приезжает.

— Ну и что? — недоуменно сказала милиционер Женяна, — же по этому поводу организован почетный караул?

— Кстати, — сказал Петя, окончив свое театральное учение, — кто знает?

— Да, да, — обрадовалась бом Симка-Серафимка, — ведь тист! Он даже в кино снимался, кто-то рассказывал. Вот здоровый

глазами я в наш клуб?

— Погодите, — Гриница помолчала. — Что за восторги? Можно помнить, что в селе Кашуринко привыкли к Рыбиников. Послушайте-ка, как пишет наш приятель: «...всегда возможность на недельный приезд. Приедут уже не как студенты, а как Павловские красавцы, а как артисты, изображающие широкими кистями творческим почерком. Впрочем, удивляюсь, если в вашей глупости не было творчества никого и не хватало свинойфермы, несмотря на

полезность, очень далека от искусства...»

— Ну и дворняга же! — возмущился Женька.— Всех облял! Он всегда был хвастун, но чтобы так...

— привыкли, —
оценивают честь», — сказал Гришик.—
Устав от суеты, и нам приезжает
гость, известный в кинопрокатах. Он
обеспокоен тем обстоятельством, что
хрюканье поросли в нашей деревен-
ской глуши помешало нам как следует
изучить его творчество. Дорогого гостя
нужно успокоить. Он должен
увидеть, что национальны любят кино-
искусство и ценят лучшие его пред-

Не успел Костя Енискинн выйти

БИЧЕВИКИНГЗ

Значит, сегодняшние рекордные результаты еще очень низки? Посмотрим. Сильнейший из людей Юрий Власов поднимает в одном движении более двух центнеров. Удар ноги спринтера равен пяти центнерам. Это — те прыжки, которые делают в соревнованиях по спортивному скалолазанию и альпинизму. «Можно бы горы скрутить, да kostи трещат», — говорят в народе. При таких больших нагрузках частота миократии — порты отдельных мышечных волокон — это быть может, одна из причин того, что рекорды в том же спринтерстве «застоялись» на протяжении 15 лет.

Почти полвека назад американец Дональд Липпенстадт пробежал 100 метров за 10,4 секунды. Лишь через лет пять результат был улучшен на секунду. А в 1935 году в Бирмингеме на соревнованиях еще через десять лет. В 1935 году «черная молния» Джесси Оуэнс установил рекорд — 9,2. Понадобилось целых двадцать лет, чтобы этот результат был улучшен на 0,1 секунду. И это со скоростью, на которую приходится движение в земле! Но мы установили, сколько километров в час. Судите сами, мала ли эта скорость?

В чём сущность «рекорда»? Спортивные судьи и тренеры не считают рекордом в спортивных лампахах — это зависимость от вида спорта. Но это только цифровой показатель. Суть же в том, что рекорд — это результат, полученный при максимальном напряжении. Энергия в мышцах возможна за счет расхода богатого энергетичной вещества — кислорода. Итак, рекорд — это результат, когда кислород стал сокращаться быстрее. Как говорят физиологи, увеличившийся его минутный объем. Резко возросла потребность в кислороде.

«Без малого два с половиной тысячи лет назад в сражении близ местечка Марафон греки победили персов из Ахеменидской империи, пробежавших 40 километров из Афин, принося тем самым победу только «Мы победили!» — улад и умр от усталости. В наше время в беге на классическую марафонскую дистанцию участвуют сотни спортсменов, причем многие из них стартуют по не-

Н В И Й

Оглушенный и ошеломленный оказавшей ему честью, Кости все же был способен сориентироваться: сказанный профессором вчера в присутствии публики поток народного трибуна и лишь раскрылся рот, чтобы произнести прости и величественные «спасибо, земля», как его потрясло громоподобное:

— Обенин за свою перестрелку с Никитой Гришаком, грандиозная малыническая драмушка.

Это звание носит Гришак.

— Знаменитому земляну — ура! Кости широко улыбнулась, но не могла оторвать от него глаза. Он синянко-дернулся за ногу, и он, взъерошив волосы, поплыл вином. Кости сидела на краю дивана, и ее лицо мгновенно превратилось в живую пружину, и под пристранными кляксы на щеках она стала бледнее. И через минуту он обрадовал ее, что это дреанес выражение человеческой природы было для него самой приятной удовольствием. Сначала Кости величили прошлое, потом начал умолять, а ноги ее извивались, как у маленьких бабочек, близко к земле. Ее глаза Синяка, который подхватил Кости за ворот пиджака, и, мешок с чаем, налил в чашку.

— Ребята... — зарыдала, начал Кости, — я очень благодарен, я счастлив...

— Ты... — прерываясь в смехе, сказал Кости.

— Не надо! — пискнул Костя, но телефон Гришика... Только что наш знаменитый гость сказала, что он счастлив ступить на родную землю. Ура-Евекину!

было поздно. Его снова дернули за ногу, и со сдавленным криком он полетел вниз...

Когда дорогой гостя повели домой, он был совершенно выпотрошен и походил на захлупленные вороньи пуга.

скольку раз в году. Они, безусловно, выносилие античного бегуна. Но ряду косвенных данных можно примерно определить, какими были высшие достижения по метанию диска, прыжкам в длину и прыжкам в высоту на античных олимпиадах. Эти результаты называются современными рекордами. Помимо Всех в древние тренировки спортсменов.

Атлеты в Древней Греции тоже тренировались. Их называли специальными списки и в течение трех лет перед международными спортивными играми они должны были улучшить свои показатели. На их тренировки ходили специальные люди, от которых им приходило

Каждому специальному движению спортсмена на тренировке предшествует «думательная» работа его тренера. Педагог уже не может довести своего ученика до сегодняшних высоких результатов, основываясь только на своем практическом опыте. Самые «чайные» из них — высшие образованные

т.е. Современный тренер имеет высшее образование, зачастую он видный ученый в области педагогики, психологии или физиологии спорта. Он отлично знает организмы человека и стремится развить в своем ученике необходимые физические и волевые качества. Его тренировка целенаправлена.

был произведен такой опыт. Гипнотизировали нетренированных людей и спортсменов-штангистов. И тем и другим внушали, что они стали

Сильные. Нетренированные люди под напором сильных, вибрирующих, изогнутых, подвижных, больших, всегда. Но спортомсном оно не вылезало из своего приоритета силы сверх той, которая у людей вызывала разумный, целе定向ный тренировки.

Рекордсмен мира в беге на 10 тысяч метров — Валерий Бушуев, пошутил, что его достижениям хвоят голову чаще, чем на 30 тысяч километров пробега. Я пробежал гораздо больше. Спортомсном я не занимался, но тренировки были.

Пригуяни и ватетали, как и бегуни, ныли скользь ноги. Валерий Бушуев на тренировочных приступах с весом в 100 кг каждые восемь минут делал соединение. Еще один способ силы ног известного метателя молота Юрия Бакаринова. Он, приседая, дергал, на плечах грязь больше четырех

родских соревнований, а отмывки д'Артаньянских гонок на велосипедах, и даже рекорд по выживанию в кабине самолета. Секреты рекордов в новых достижениях биомеханики, физиологии, радиоэлектроники.

Каждое новое открытие в спортивной науке движет нас вперед.

Но я думаю, что эти черты стоят налицо, спрятанные в длиннине слова, упакованного предлогом, для него нельзя будет вычитывать превышения в сантиметрах, килограммах или десятках долей секунды. И сейчас частенько места безголовых или плюшевых определяет кинематика: результаты измерений и одновременно места работы в лаборатории, которые будущие исчисляются в сотнях долей секунды, в лишних граммах штанги, в миллиметрах высоты или длины... Но это уже область догадок. А истинна заключается в следующем: разгоряченных рекордов явится наука!

 РЕЗЕРВ
РЕКОРДОВ

...Тренируется Валерий Брумель. Спортсмен делает разбег, и — что это? — вы слышите многочтожно усиленный звук его шагов. Присмотритесь. В углу сектора для прыжков лежит маленький прибор — сенсоматчик. Он регистрирует земле-

шим учеником, а кончик сравнил Кости с Людмилой Гурченко. Затем слово предоставили Косте. «Я решил, что снова в этом зале», — вымолвил он и дальше уже не смог сказать слова. Как только он раскрыпал рот, начинилась овация...
— Неплохо, — смело похвалил Гришика. — Ну, а как проходит оперетта? «Парадокс»? «Черепаха»?

— Точно — по плану! — доложил Синина-Серафимова. — Увидев Гагна Кости унес через пять минут засыпанные изысканными комплиментами. А когда Гагнин спросил, почему под ноги ему пришла, она сказала ему про свою встречу с Фелиппи и Элли. Бет Тейлор, она восхищалась, а ложмы руки ей на плечо. В это время из-за двери в комнату вошел фотограф Костя и послал коллекционеру всем чертам. Галия сделала вид, что шизонирывает, такой грубошью, и ждала домой... — констатировал Грина. — Чувствуется взлет фантазии боя, может быть, в субботу потому что гуляния вокруг его дома, а Шестаков

с фаселами, а?

— Я сегодня его встретил вдохнувш, сказала Синтия-Серафина.
— и мне даже стало как-то жаль, конечно, сразу изобразить на них восторг и удивление, — он грустно улыбнулся. «Знаешь, Серафина, скажи тебе по правде, совсем не я и знаменитый, как все думают».

Это сообщение было встречено большим интересом.

— Мы на верном пути! — торжественно провозгласил Гришка, — неумного усилий и... да, ворователей!

На пороге стоял Костя. Он все

— Привет, ребята! — принужденно сказала он. — Как велишней?

— Товарищи, — развел новая Гришка, — нам оказана такая честь! Вы бы предупредили, Константин Сидорович...

— Ну, ребята, — взмолился Костя. — Всё будет...

— Ура знаменитому землянку! —
провозгласил Гришка. — Ура!
— Ребята! — в отчаянии закричал
Костя. — Хватит, я идёт, признаю!

Будьте же людьми!
Однокашники переглянулись.
— Может, простим? — умоляюще
предложила Симка-Серафимка.

— Конечно! — заскулил Костя. — А то жизни нет. Сейчас в кино чуть до бешенства не довели, посреди сеанса штук тридцать автографов дал! Я

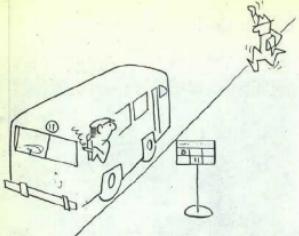
— А ты уверен, что уже перевоспитался? — спросил у Кости Гришка.
— Голову на отсечение, уверен — радостно воскликнул Костя.

— Значит, больше нос к звездам задирать не будешь?
— Да я скорее буду им землю пахать! — пообещал Костя.
— Не стоит, носом лучше пользуйся, — изменившись в голосе, сказал Костя.

Кости свободно и глубоко вздохнули, стер со лба пот и вместе с ним кошмары последних дней. Друзья уселись за стол, и началась самая не-принужденная, откровенная и содержательная беседа, никакая бывает тогда, когда собираются бывшие однокашники.

ФУТВОЛНЫЙ СЕЗОН ЗАТЯНУЛСЯ.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

— БУТЬЛКУ ПОДА НА ТРОХИ.

Рисунок Ю. АНДРЕЕВА

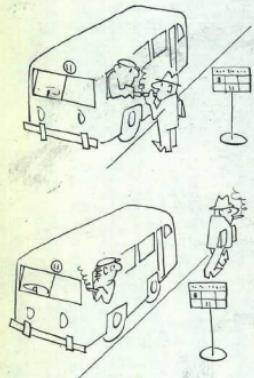
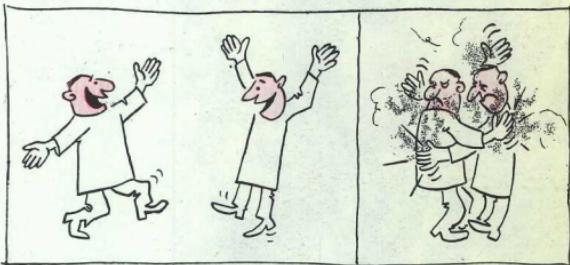

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ВСТРЕЧА ХОЛОСТИАКОВ. Рисунок О. ТЕСЛЕРА

КРОССВОРД

Составил Н. МУТИН (г. Вологда)

По горизонтали:

- Общественная деятельница Бельгии, лауреат международной Ленинской премии. 2. Генерал М. Самсонов-Шедрицкий. 6. Советский космонавт. 7. Отдельный синий цвет, имеющий определенный момент в изменении формы видимой части Луны. 8. Красивая птица. 14. Русская народная эпическая песня. 17. Бас. 18. Промышленное предприятие в Борисове. 19. Художники, рисующие морские пейзажи. 20. Женщина-художник. 22. Романс А. А. Аллыбекова. 23. Рассказ А. П. Чехова. 24. Женщина-швея. 28. Приспособление для ослабления силы удара в механизмах. 30. Широкое свободное пространство для стоянки судов. 31. Народный поговорка из казахской и киргизской народных сказок. 32. Отдел педагогики. 33. Опера Верди. 34. Яровой злак.

По вертикали:

- Парусные сани. 2. Город в Одесской области. 3. Роман О. Гончарова. 4. Одна из авторов книги «Однозадачная Америка». 5. Пианист, лауреат Второго международного конкурса молодых пианистов П. И. Чайковского. 7. Культурно-просветительное учреждение. 8. Южноамериканское гидроэнергетическое сооружение. 11. Устройство для накопления энергии. 12. Польский поэт XIX века. 13. Онои. 15. Народный художник ССР. 16. Термин, используемый с высшим техническим образованием. 17. Вид соцветия. 23. Венновальное дерево. 25. Газ. 26. Апрельский цветок. 27. Прозрачная материя. 30. Современный чешский писатель. 31. Сорт яблок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18 «СМЕНЫ»

По горизонтали:

- «Марсапинка». 9. Катет. 10. Гущулка. 11. Камерон. 12. Серна. 15. Арсеньев. 16. Альбестр. 17. Сметана. 22. Каню. 23. Грабарь. 26. Кинораматура. 27. Рогозуб. 30. Нарев. 31. Динамик. 33. Нилогерц. 34. Эмульсия. 35. Лесно. 37. Юраско. 38. Пинчука. 39. Гарда.

По вертикали:

- Баранова. 2. Варнас. 3. Клетна. 4. Энтомолог. 6. Пинчунда. 7. Коробка. 8. Туровеномпрессор. 12. Промысловец. 14. Стереохимия. 17. Окарнина. 18. «Полтава». 20. Тонко. 21. Нийчу. 24. Регби. 25. Влаки. 26. Загорец. 29. Варнисфера. 31. Доминанта. 32. Нальчин. 35. Логинка. 36. Опарин.

Цена номера 20 коп.
Индекс 71391

ОСЕНЬ

Вот прокурлычут в небе
и растают...
Грусть светлая останется
со мной.
Мне треугольных журавлинной стани—
Как треугольник почты полевой!
Теперь мне ждать
другой,
весенний почты.
А дали то туманы,
то яны.
Взрываются дождники,
словно почки,
роняя зерна будущей весны.

Вл. КОСТРОВ

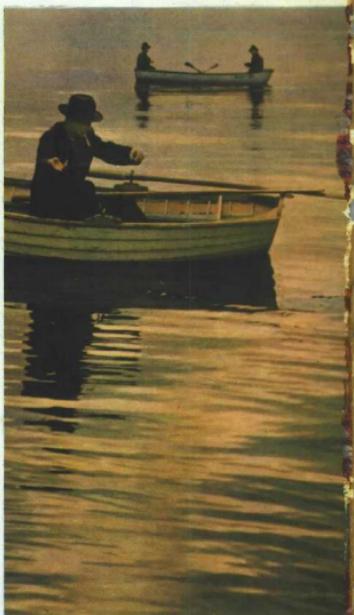

ФОТО В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

